

Галина
Чередий

Порченный
подарок

18+

Галина Череди́й

Порченный подарок

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чередий Г. В.

Порченный подарок / Г. В. Чередий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Они пришли издалека Аниры-Исполины, на всех взирали свысока, а им плевались в спину... Мы проигравшая страна, и я гарантом мира в чужие земли отдана Верховному аниру.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

Весна

Отдав весь повод Орегу, я пронеслась по обочине размокшей после вчерашнего ливня дороги, вдоль бесконечного ряда экипажей со всевозможными гербами и затейливыми украшениями, ощущая всей кожей настойчивый и обеспокоенный взгляд Алмера, что следовал за мной неотступно, как ему и полагалось. Обязанность слуги и личного конюшего – присматривать за тем, чтобы лошади были в порядке и чтобы юная хозяйка не свернула себе шею, разъезжая на норовистом подарке отца к совершеннолетию. И только мы вдвоем знали, что его беспокойство обо мне не просто должностные обязанности, а нечто настолько большее и глубокое, что от постыдных мыслей об этом мне становилось жарко и тесно в собственной коже. И никакая бешеная скачка с ветром, бьющим в лицо, не охладит мои пылающие от стыда и предвкушения лицо и сердце, не выметет прочь недостойных мыслей, не унесет страх и чувство вины за то, на что почти согласилась.

Комья грязи вырывались из-под копыт Орега и частенько влетали в открытые окна таких же неимоверно безвкусно украшенных карет, какими были и сидевшие в них разряженные в пух и прах девицы и их сопровождающие, направлявшиеся ярким потоком к дворцу правителя. Возмущенные вскрики и визги, раздававшиеся вослед, только забавляли меня, отвлекая от бесконечно вращавшегося последнее время в разуме водоворота мятежных мыслей. Неужели я решусь?

– Да что она себе позволяет! – понеслось мне в спину, когда очередной слякотный комок врезался в дверцу экипажа аккурат посередине выпуклого золоченого герба, изображающего какую-то рептилию, очевидно, дракона, явно мучимого запором, учитывая его позу и оскаленную морду.

Надо же, деточка семейства Оршо Альнигрис достигла положенного возраста и в этом году наверняка мечтает быть одной из самых завидных дебютанток на празднике Выбора. Правильно, мы же ровесницы. При мысли о необходимости моего присутствия на этом действе передернуло. А еще при воспоминании о том, какое воодушевленное выражение лица всегда появлялось у отца, когда он говорил о моем первом официальном выходе. У него на свою единственную дочь были эпичные планы, не так ли? Как жаль, что я их не оправдаю, папа. Я так люблю тебя, но и его тоже.

Смятение снова мутной волной поднялось в душе. Оглянувшись через плечо, я поймала вопрошающий, тревожный взгляд Алмера и ударила пятками по бокам коня, ускоряясь еще больше. Но даже в дробном перестуке копыт мне все слышалось: «Решусь? Решусь? Неужто... решусь?»

Хотела по привычке свернуть с основной дороги к служебному проезду прямо на конюшню, но тот неожиданно оказался перегороден повозками с провиантом для празднества, а я уже разогнала Орега так, что резко остановить его было невозможно. Под обеспокоенный выкрик Алмера, я сильно потянула удила вправо, заставив жеребца сменить траекторию движения и едва не уложив его этим на бок, буквально в последний момент успела проскочить между двумя экипажами, въезжавшими в главные ворота. И хорошо, что во время разворота часть скорости удалось погасить, иначе я с разгону влетела бы в группу ездовых, что неторопливо двигались сейчас по главной аллее, ведущей к парадному входу дворца. Орег встал на дыбы, чуть не сбросив меня, чего мне внезапно почти захотелось. Ведь тогда не нужно будет присутствовать на проклятом празднике Выбора и самое важное в жизни решение тоже придется отложить... совсем не по моей вине, а в силу обстоятельств. О, Пресветлая Даиг,

насколько же я труслива и эгоистична! Разве тот, кто способен на настоящую любовь, стал бы думать о чем-то таком?

Мое, безусловно, эффектное, появление не прошло незамеченным. Несколько всадников резко развернули коней... да нет, какие же это кони – натуральные чудища! Мохнатые, как диковинные северные быки из дворцового зверинца, раза в два крупнее моего изящного жеребца, все светлых мастей, от серой до соловой, с ножищами, больше напоминающими стволы корабельных сосен, с густыми гривами и хвостами, достигающими земли, и жуткими темными глазами. Они уставились на моего обомлевшего беднягу, тонкокожего ахлийца, с таким выражением, будто были плотоядными и вполне готовыми его сожрать на месте. На таких взглянешь раз, и поверишь – могут.

Под стать жутковатым коням были и их всадники. Просто огромные мужчины в покрытой дорожной грязью, но явно очень дорогой одежде необычного покроя, преимущественно черной, без всякого шитья и украшений в противоречие нынешней моде, но из очень добротной ткани, и с массой разнообразного оружия, висящего на их телах и притороченного к седлам. Странные шлемы, закрывающие верхнюю половину лиц, длинные волосы множества оттенков золотистого, небрежными прядями рассыпавшиеся по широченным плечам, неохватные торсы, мощные бедра под натянувшейся тканью замшевых штанов, окованные железом сапоги до колен. На кожаных нагрудниках каждого – тиснение, вроде бы оскаленная морда какого-то зверя...

О, Даиг, это же аниры! Отец буквально пылал гневом и бесконечно изливал за столом во время ужинов свое презрение и возмущение тем фактом, что «этим грязным скотам» было не просто впервые позволено присутствовать на празднике Выбора. Правитель от своего имени был вынужден их пригласить и даже позволить претендовать на ухаживания за любой аристократкой Гелиизена, если такова будет ее воля. А с другой стороны, наш лучезарный Окнерд Пятый сам решил несколько лет назад сунуться с завоевательным походом в их земли, где получил по носу, и дабы избежать теперь ответного вторжения, вынужден был лебезить и проявлять лживое дружелюбие. А что умиротворяет разгневанных мужчин лучше, чем несколько пожертвованных ради великой цели девственниц хороших кровей? Конечно, все будет обставлено благопристойно и девушек отдадут замуж по всем правилам, но это не меняет того факта, что им предстоит уехать в страну настоящих варваров, с загадочными и, ходили слухи, отвратительными обычаями, и скорее всего, сгинуть там навсегда. Естественно, именно по этой причине в нынешнем году наблюдается небывалое нашествие дебютанток из самых глухих углов государства – ведь не отдавать же этим «полуживотным» представительниц лучших родов. Это абсолютно исключено.

Рассмотреть нормально больше я ничего не успела. Алмер наконец догнал меня, сверкнул с упреком глазами и, схватив Орега под уздцы, потянул в сторону от главной аллеи прямо через парк.

– Что же ты творишь, Мунна! – прошипел он, когда нас уже не должны были слышать. – Хочешь разорвать мое сердце в клочья?

Меня с новой силой накрыло стыдом, и, избегая визуального контакта, я невольно обернулась, снова натываясь на так и застывших посреди дороги аниров. К ним уже подъехал один из распорядителей праздника, судя по всему, желая приветствовать и указать дорогу, и я теперь со стороны могла увидеть, как смотрится изысканно одетый мужчина нормального сложения верхом на великолепной чистокровке напротив этих... М-да, пожалуй, тут отец прав: они выглядели неуместно тут, какими-то устрашающими чужеродными валунами, неотесанными каменными глыбами, своим видом испоганившие вид изысканного великолепия дворцового парка. Внезапно один из аниров, особенно здоровенный, поднял руку и беспардонно ткнул в мою сторону пальцем, что-то отрывисто сказав распорядителю. Тот замотал головой, кланяясь и, похоже, извиняясь, но я не стала смотреть дальше и сосредоточилась на лице парня, который

заставлял мое бедное сердце выскакивать из груди. И не обернулась даже тогда, когда сзади раздался грубый гортанный выкрик, а после – удаляющийся тяжелый стук копыт.

У моего отца, как и полагалось первому советнику государя Гелиизена, была личная небольшая конюшня неподалеку от главной и гостевой, и здесь царили тишина и безлюдье, в отличие от дикого столпотворения, возникшего там по вине всяких деревенщин, притащивших своих чад обоих полов в надежде на удачную партию. Лично у меня первый официальный выход особого трепета не вызывал никогда. С детства живя большую часть времени в резиденции правителя, я могла исподтишка наблюдать за глупыми физиономиями краснеющих и вздыхающих девиц, считающих, что это эпохальное событие в их еще недолгой жизни. А на деле? Обычные смотрины племенных кобыл и жеребцов или же вообще откровенные взаимовыгодные сделки старшего поколения. Отнюдь никакая не романтика. И, само собой, ни один праздник еще не обходился без скандалов с соблазненными и опозоренными дурочками, подпавшими под обаяние главных придворных повес. Самая отвратительная изнанка так называемого всеобщего веселья, оборачивающегося чаще всего лишь кратким осуждением для высокородного совратителя и Замком Позора для несчастной жертвы до конца дней. Правда, не всегда. Если девушка была очень хорошей партией, а лукавый подлец не связан брачными узами, то скандалы быстро сходили на нет, заканчиваясь поспешной свадьбой.

И опять меня, как ознобом, пробрало от понимания, что в этом сезоне именно я буду той, кто обеспечит благородное общество пищей для сплетен.

Алмер прыгнул со своего гнедого и стремительно подошел ко мне, протягивая руки и глядя снизу вопрошающе и с обожанием. Нет, мне совсем не требовалась помощь в спешивании, но я с радостью соскользнула в его объятия, торопясь утопить свои страхи и сомнения в головокружительном тепле его тела. До сих пор я спрашиваю себя, как так могло выйти, что я, Греймунна Эргер Далио, единственная возлюбленная дочь двоюродного брата – он же первый советник – законного владыки Гелиизена и почившей, производя меня на свет, руанесской крессы Гарлейф, оказалась сражена и пленена бездонными карими очами и сильным, гибким телом простого слуги, конюшего, и готова ради него пройти через унижения и позор, разбить сердце отцу ради шанса любить его до конца жизни и добровольно отказаться от всех тех возможностей, что откроет для меня брак с абсолютно любым аристократом, на какого упадет мой взор. Ведь благосклонность такой, как я, – та честь, ради которой все они будут готовы передрать друг другу глотки.

– Ты сомневаешься... – пробормотал Алмер в мои волосы. – Боишься?

– Нет, Альми, конечно нет. – Но в моем голосе нет уверенности. Ведь я действительно боюсь.

– Я люблю тебя, Мунни, люблю так, что дышать нечем, когда ты не рядом. – Властно запрокинув мне голову, он осыпал вмиг запыхавшее лицо жаркими поцелуями и тут же отстранился, забирая с собой все тепло и ощущение головокружительной близости. – Но если моей любви недостаточно...

– Альми, перестань! – взмолилась я, бросаясь к нему. Какая же я глупая, ведь, подобно ему, не могу вздохнуть полной грудью без тоски и боли, когда он не вот так, кожа к коже. Невыносимо это расстояние между нами, преодолеть которое можно лишь решившись на нечто воистину отчаянное. – Люблю тебя...

– Родная, звезда моя недостижимая, – горячо зашептал он, обнимая снова и оттесняя к дальней стене конюшни, – я же не дурак, знаю, кто я и кто ты... Умру за тебя... Ради одного поцелуя на костер взойду... Но если ты не готова... Если я не тот... Скажи, отпусти, казни своей нежной рукой... Не упрекну, приму все со смирением.

Его тело вжалось в мое, губы терзали и утешали безостановочно, в моем животе – пожар и тянущая боль. Парень терся об меня, шепча, сжимая болезненные груди, дразня соски сквозь ткань, и я, уже почти окончательно погрязнув в бесстыдной похоти, словно дешевая уличная

девка, повисла на нем, раздвинув дрожащие ноги и позволив вжиматься твердостью в ту часть тела, что не должна быть и близко тронута никем, кроме моего будущего супруга. Я поджаривалась от дикой смеси вины и страсти, но не остановила Альми, когда он проскользнул дерзкими пальцами под мою одежду и коснулся над пупком. Позор мне, никаких оправданий не будет, если нас застанут вот так... но уже не остановиться.

Алмер поставил меня на ноги, ошaleвшую, пьяную, готовую для всего, и вдруг отстранился, оставив меня осиротевшей.

– Почему? – прошептала я покалывающими от жажды новых поцелуев губами.

– Нет, я не какой-то проходимец и бесчестный подлец, родная, – тихо ответил мой возлюбленный, нежно погладив по щеке. – Что я за ублюдок буду, если подтолкну любимую к прелюбодеянию, заберу ее невинность, как что-то не имеющее значения, между делом, среди сена и вони лошадиного пота. Нет, Мунна, я не перейду грань до тех пор, пока узы Пресветлой Даиг не свяжут нас в священный союз. Ты – бесценное мое сокровище, которого я никогда не буду достоин, хоть и желаю, как одержимый, а не девка, с которой я, походя, хочу утолить похоть. Если не готова быть моей до конца дней, то оттолкни, и я уйду, чтобы никогда о себе уже не напоминать.

Мое сердце упало с небес, а потом воспарило снова, и я бросилась ему на шею.

– Я твоя, вся твоя и буду твоей до последнего вздоха, – запальчиво протараторила, суматошно целуя гордо задранный чуть колючий подбородок любимого.

– Тогда сегодня, Мунни. Лучшего момента не будет в ближайшее время. Сразу после окончания первого вечера праздника я буду ждать тебя здесь с готовыми лошадьми. Возьми лишь самое необходимое, лучше просто деньги и драгоценности, чтобы мы могли продержаться какое-то время, пока тучи над нами не рассеются. К раннему утру мы будем в Тидале, а когда к обеду тебя кинутся искать, уже будем женаты и скрепим наш брак той близостью, ожидание которой так томит наши тела.

– Ты обо всем подумал, – улыбнулась я, чувствуя наконец, что предвкушения возможности счастья становится больше, чем страха. – Мой отец будет в ярости, и хорошего поначалу не жди.

– Мы спрячемся и проживем скрытно и тихо в глуши, а спустя месяц, другой свяжемся с ним и все объясним. Он любит тебя безумно, Мунни, ты его единственный бесценный ребенок, надежда и наследница, и когда он поймет, что я и есть твое счастье, смирится и примет обратно и тебя, и меня. Все у нас получится, клянусь, – торопливо проговорил он, но остановился, отодвигаясь, – или ты все же не готова... Тогда гони меня, как пса, которому позволено лишь смотреть и мечтать...

– Умоляю, прекрати! – едва не разрыдалась я. – Приду сюда, как только смогу вырваться с этого проклятого праздника, и мы сбежим. Будь тут. Жди!

С трудом мы расцепили объятия, и я долго умывалась прямо из лошадиной поилки холодной водой, стремясь остудить пылающие щеки. Кто бы видел дочь первого советника правителя за таким занятием, глазам бы не поверил. Взглянув последний раз на Алмера, стоящего в дверях конюшни, я прижала пальцы к губам и, отвернувшись, заторопилась в личные покои, чувствуя, что даже от этого краткого расставания моя душа рвется на части.

Прокравшись через дверь для слуг, я умудрилась ни с кем не столкнуться по дороге к своей комнате, чему была очень рада, обычно отец всегда с таким недовольством взирал на меня, одетую в мужской костюм для верховой езды, хоть никогда и не упрекал вслух. К тому же я была совсем не уверена, что не выгляжу до сих пор так, словно долго стояла у открытого пламени или охвачена лихорадкой. Приоткрыв дверь, уже почти оказалась в безопасности, как со стороны родительского кабинета донеслись громкие мужские голоса. Никогда не слышала, чтобы отец говорил с кем-либо на повышенных тонах, но сейчас явно происходило нечто, заставившее его разгневаться. А что, если нас с Алмером кто-то видел и донес ему?

О, Даиг, ты ведь не допустила бы такого, верно? Но знать мне было необходимо. Сложись все плохо, нужно успеть предупредить своего избранника, чтобы смог скрыться от ярости могущественного вельможи. С грохотом в ушах и пересохшим горлом на цыпочках прошла по боковому коридору и протиснулась в кладовку. Нашла скрытый рычаг среди полок, открыла узкую потайную дверь лишь чуть, протиснулась в щель, пробежала по темному проходу, где пыль лежала толстым ковром, и прикинула глазом к крошечному отверстию в стене, обращаясь в слух.

– ...Даже не обсуждается! – закончил свою фразу отец, грохнув кулаком по столу.

– Иногарт, мой дорогой брат... – вкрадчивое возражение моего сиятельного родственника Окнерда Пятого в ответ было прервано чем-то больше похожим на громовое рычание, нежели на человеческий голос.

– А я и не обсуждать к тебе что-то пришел, а лишь сообщить о своем желании и намерениях! – Мне не было видно лица говорившего, лишь нечто огромное и черное. – Я желаю ее и отказа не приму!

– Да ты знаешь ли, о чем говоришь, анир! Моя дочь не какая-то девка, которую ты можешь получить по щелчку пальцев! – взвился папа.

– Иногарт! – сказал Окнерд уже с нажимом, но результата не добился.

– Она племянница правителя, единственная наследница крови крессы Гарлейф!

– Я заметил, что она отличается от бледнокожих чистокровных дочерей земель Гелиизена, – в ответе легко угадывалась насмешка, – но это не меняет того факта, что я хочу именно ее.

– Чистокровных?! – еще больше горячился отец. – Да ее кровь – священный эликсир, родившийся из смешения двух древнейших правящих родов! Неужели ты думаешь, что смеешь претен...

– Не забывайся, человек! – рявкнул анир так, что я отшатнулась от стены. – Мой род древнее ваших в разы, я сильнее, богаче и влиятельней любого жалкого аристократишки, что захочет претендовать на нее в вашем... Гелиизене! И я не какой-то униженный мальчишка-проситель, клянчащий у тебя что-либо, я в своем праве взять то, что вожделею. Не подонок, алчущий твою бесценную дочь в качестве наложницы или военного трофея, хотя и это мог бы себе позволить! Я требую ее мне в жены, и ни ты, ни твой государь – никто вообще не посмеет мне отказать!

– Безусловно, глубокоуважаемый онор Бора. – Ответ правителя был кислым и полным плохо скрываемой ненависти одновременно. – Никто, кроме самой великолепной Греймунны, из-за которой весь наш спор. Мы же все здесь цивилизованные люди и не станем опускаться до того, чтобы принуждать девушку к браку?

– Греймунна... – пробормотал мое имя анир, будто вслушиваясь в звучание. – Кресс Окнерд, неужели я произвожу впечатление мужчины, у которого есть необходимость принуждать женщину быть со мной?

– Вкусы женщин в наших краях отличаются от предпочтений ваших.

– Если у Греймунны вообще есть вкус, ум и она просто не слепа, а в этом я убедился, то выберет меня, – пренебрежительно фыркнул анир, поднимая в моей душе море возмущения. – А ты, кресс Иногарт можешь уже приказывать начинать собирать вещи ей в дорогу.

Я все ждала, когда отец возразит, откажет этому нахальному мерзавцу окончательно и бесповоротно, но так и не дождалась.

Глава 2

Осень

Я поморщилась от тянущего ощущения в низу живота, но главный дискомфорт доставлял не он. Представлять новую вспышку разочарования в глазах Альми было куда болезненней, чем терпеть ежемесячные проявления женских недугов. Все у нас шло как-то не так: не выходило безоблачного счастья и быстрого исполнения так хорошо продуманного им плана, и это явно злило и угнетало моего супруга, и раз за разом в сознании возникал вопрос, верно ли мы поступили.

Поначалу все сложилось идеальней некуда. Злость на то, что отец и дядя с такой легкостью отказались препятствовать любым притязаниям нахального анира, подпитала мою решимость к побегу, а еще помогла, не дрогнув, встретиться на празднике с этим самодовольным мужиком лицом к лицу и развернуть события именно так, как и было необходимо. Хотя испугаться было немудрено. Казавшийся мне всю жизнь огромным главный зал резиденции, щедро украшенный к знаменательному событию, на пространстве которого даже собравшаяся небывалая толпа представителей лучших и не очень родов как-то терялась, вдруг почудился мелкой комнатухой, когда всего лишь пятеро аниров вошли, глядя с высоты своего роста по сторонам так, словно владели и этим местом, и всем миром в принципе. Одеты так же в черное, правда, на этот раз без дорожной грязи, толстых нагрудников с тиснением, придававших их фигурам излишнюю грузность, и шлемов, а из оружия лишь по одному длинному кинжалу, болтавшемуся на боку. Светлые длинные волосы возглавляющий шествие громила собрал в низкий хвост, но ни один из них не счел нужным даже побриться, как это принято у нас. На лицах с грубыми, будто рубленными чертами как минимум недельная щетина. Что взять с дикарей? На секунду я испытала нечто отдаленно похожее на шок или оцепенение, когда разглядела необычайный цвет глаз идущего впереди анира. Настолько насыщенно и в то же время нереально прозрачный голубой, что почти светился на фоне его светлой кожи и волос даже на том расстоянии, что нас разделяло. Почему-то вспомнились дикорастущие цветы идри, которые мне всегда так хотелось потрогать или собрать в букет в детстве, но отец сразу предупредил, что это яркое великолепие опасно: коснешься – и на коже вскоре появятся ожоги, которые будут мучительно болеть долгие месяцы и оставят шрамы навсегда.

Глашатай начал объявлять имена прибывших аниров, но в этот момент ищущий взгляд их предводителя наткнулся на меня. Едва небрежно кивнув в сторону правителя, что вызвало волну возмущенных шепотков, он целенаправленно пошел ко мне через весь зал. Остановившись напротив, совсем чуть-чуть склонил голову, окидывая абсолютно бесстыдным взглядом с головы до ног, отчего внутри все предательски задрожало, протестуя и против его беспардонности, и против собственной странной реакции.

– Меня зовут Бора, – заявил он тоном властителя всего сущего. – Онор Бора, кресса Греймунна.

– Вам следовало попросить представить вас кого-то лично со мной знакомого или потрудиться обратиться за этим к распорядителю. – Получи, тупая наглая деревенщина!

Золотистые густые брови на долю секунды сошлись на переносице, придавая ему грозный вид.

– Я не нуждаюсь в посторонней помощи, когда хочу быть знакомым ближе с привлекающей меня девушкой. – Его глаза сузились, а линия квадратного подбородка стала жестче... хотя куда уж больше.

– Не знаю, с какими девушками вы имели дело до сих пор, онор Бора, возможно, они и были впечатлены вашими манерами, но я привыкла к тому, что мужчине следует спросить через третье лицо, готова ли я с ним разговаривать!

Любой кресс Гелиизена, получив такую отповедь от меня, уполз бы с глаз долой, сгорая от стыда за свое отвратительное поведение. Впрочем, ни один цивилизованный воспитанный мужчина вообще не позволил бы себе подойти ко мне просто так, будто я была какой-то торговкой на базаре и только и ждала, как набегут желающие оценить мой товар. Неотесанный грубиян!

Демонстративно задрав подбородок, я, покачивая пышными юбками, гордо прошествовала от него, но через секунду едва не подпрыгнула от громоподобного смеха за спиной. Догнав меня за пару шагов, Бора прошептал практически мне в затылок:

– Мне случалось слышать, что смуглокожие уроженки южных островов Рунаэ горячей огня в постели, и редкий человеческий мужчина достаточно вынослив, чтобы справиться с их аппетитами в одиночку, но, похоже, с полукровкой я тоже не прогадал. – От возмущения у меня рот распахнулся и дыхание сперло. Да как он посмел сказать такое! И кому?! Мне!

– Вы, онор Бора, прогадали не только с выбором женщины, но и с государством и в принципе стороной света, где решили ее подыскать, – прошипела ядовитой ползучкой. – В Гелиизене и на Рунаэ живут уважающие себя крессы, воспитанные с четкими понятиями о морали и личном достоинстве. Так что вам вряд ли удастся среди них подыскать кого-то на свой... хм... вкус. – Он насмешливо поднял бровь с «да неужели» видом, и тут я влепила ему пощечину, практически выплюнув: – А это за то, что посмел назвать женщин из народа моей матери шлюхами.

Анир поймал мою ладонь и не позволил оторвать ее от своей щеки, а я обмерла, с опозданием осознавая, что же такое вытворила. Мой всегда взрывной характер, плюс несколько часов сборов на праздник, пока я все сильнее накручивала себя, взращивая обиду на родственников и ненависть к беспардонному чужаку, решившему, что он не просто достоин претендовать на меня, но настолько великолепен, что я упаду к его проклятым ногам всенепременно и моментально, вырвались наружу таким катастрофическим образом. О Пресветлая Даиг, а что, если он просто убьет меня сейчас у всех на глазах вот этими громадными ручищами? Никто не успеет и пикнуть. Или взбесится и объявит перемирие расторгнутым, и все потому, что я такая психованная дура, а не та дочь, какой следует быть у моего отца-политика, всегда пекущегося о нуждах государства! Сотни ужасных последствий моей вспышки пронеслись в голове, а пальцы, все еще прижатые к твердой скуле Бора, запылали, как обожженные, пока я с нарастающей паникой пялилась в его лицо. На какие-то мгновения мне почудилось, что под его бледной кожей проскальзывает нечто, меняя его черты, делая его еще более пугающим, чем раньше, но тут же все исчезло. Рот анира искривила медленная усмешка, он повернул голову и окончательно выбил меня из колеи: понюхал мою кожу на внутренней стороне запястья, вдохнув глубоко и протяжно, приподняв верхнюю губу, будто скалился и готовился вырвать кусок моей плоти или... поцеловать? А потом снова посмотрел на меня, отпуская наконец руку, и ухмылка стала шокирующе открытой торжествующей улыбкой.

– Если уж решила, что кто-то заслуживает удара, маленькая Ликоли, то бей и потом не испытывай за это страха и сомнений. – И тут же лицо его изменилось, становясь жестким, почти звериным. – В этот раз ты была права, наказав меня за дерзкий язык, но хорошо подумай, прежде чем сделать такое снова, тем более на глазах у моих людей. Проявишь такую безрассудность еще раз – и мой ответ может надолго шокировать твою невинную натуру.

Несмотря на весь испуг, с моих своевольных губ чуть не сорвались резкие слова о том, что никаких «снова» не будет, но сильный захват на моем локте вернул меня в мир адекватности.

– Греймунна! – Резкий окрик отца буквально был пригоршней снега за шиворот, напомнив, что эта почти дикая сцена происходит на глазах у всего двора. Я отшатнулась, натываясь

на родителя, которого, похоже, прямо трясло от сдерживаемого гнева, и, оглянувшись, поняла, что положение еще ужаснее, чем казалось.

За папой стояла целая толпа аристократов, все напряженные, со злыми взглядами, точно они готовы броситься в бой сию же секунду, а за широкой спиной анира встали четверо его спутников, разглядывающих гелиизенцев все с той же высокомерной самоуверенностью и даже каким-то предвкушением.

– Могу узнать, что здесь происходит? – подрагивающим от ярости голосом спросил отец.

Онор Бора же еще пару секунд глядел исключительно на меня, словно и не замечал окружающей всеобщей напряженности, и только потом обвел взглядом зал, будто просто смотрел на не омраченный тучами горизонт в радующий его солнечный денек.

– Не вижу смысла в моем дальнейшем тут пребывании, – обратился он к Окнерду Пятому через головы собравшихся. – Мой выбор сделан. А это, – он указал пальцем на едва розовую отметину от моей ладони на своей щеке, – ее выбор. Я готов ждать до того, как в Гелиизене не ляжет снег, не больше этого. До встречи, маленькая Ликоли.

И не дожидаясь моего ответа или даже реакции правителя, Бора развернулся и двинулся прочь из зала в сопровождении своих соплеменников, некоторые из которых подмигивали нашим крессам самым бесстыжим образом.

Отец увел меня тогда из зала и впервые в жизни кричал, обзывая безрассудной, не соображающей, на что себя обрекла, велел не появляться больше на празднике и не показываться ему на глаза, пока он не успокоится, и заявил, что уходит на переговоры с анирами, чтобы найти способ спасти меня. Но я уже знала, что его усилия напрасны, ведь мое решение принято и стало крепко как никогда. А то, что он счел наказанием, лишь возможность все ускорить. Не придется ждать еще несколько часов, сгорая от нервной дрожи и нетерпения. Едва оставшись одна, я начала собираться, сорвав с себя роскошный наряд, переоделась в костюм для верховой езды, вытряхнула шкатулки с драгоценностями в торбу, которую раньше дал мне Алмер, прихватила все монеты, что щедро выделялись мне родителем на всякую ерунду, и уже какой-то час спустя мы покинули территорию дворца, уносясь в теплую летнюю ночь за своим счастьем.

***

Внизу громко хлопнула входная дверь, заставляя натянуться внутри те струны, о каких еще недавно совершенно не имела понятия. Уже по самому звуку удара я могла понять, что за вечер ждет меня, и это не считая той плохой новости, которую я буду вынуждена сообщить Алмеру.

Бум-бум-бум. Грузные шаги по гулкой деревянной лестнице, говорящие о том, что момент, когда я увижу гримасу разочарования на лице любимого, все ближе.

Алмер, как всегда, когда выпивал лишнего, распахнул дверь в нашу временную спальню с силой, заставившей ее шарахнуть по стене.

– Привет, родной, – с виноватой улыбкой обернулась от окна я, направившись ему навстречу.

Даже сейчас, будучи расстроенной и готовясь опечалить его, не могла не любоваться моим избранником. Хотя немного и сожалела об изменениях – ведь я влюбилась в него совсем другого. Добротная одежда из дорогого сукна с островов, замши и шитья облачала теперь его красивое тело, настойчиво вещая всем окружающим о том, что перед ними не какой-то там простой конюший, а состоятельный кресс, чья слабая здоровьем жена нуждается в полном уединении, морском климате и деревенской пище для поправления хилого аристократического здоровья. Именно это всем местным мы и озвучили, прибыв в глухую окраину Гелиизена на седьмой день почти безостановочного движения.

Правда, спустя сутки после нашей поспешной тайной свадьбы и короткой брачной ночи, мне пришлось смириться с невозможностью ехать верхом, и нанять неприметную повозку. А все потому, что со мной оказалось что-то не так... Очевидно, как женщина я была устроена не слишком правильно, учитывая, что первая близость принесла только ужасную боль, и мой муж выглядел почти оскорбленным, когда не смогла скрыть облегчения, что эта пытка закончилась. Шок от того, как замечательно ощущались его ласки и поцелуи прежде и насколько все неприятно и даже как-то унижительно оказалось на нашем супружеском ложе, не покидал меня до сих пор. Едва мы остались наедине в комнатухе придорожной гостиницы, я вся вспыхнула, предвкушая нечто прекрасное, краснея и пылая от собственных фантазий, в которых-то и не было ничего определенного, но это не мешало кружиться моей голове, как от сладкого крепкого вина, и подгибаться коленям. Но Алмер просто практически сорвал с меня одежду и повалил на кровать, награждая лишь краткими жесткими поцелуями, что оставляли следы на коже, но не дарили нежности. Лишив белья и задрав нижнюю рубашку, посмотрел мне между ног, заставив испытать настоящее удушье от смущения, и выражение его лица почему-то напугало меня. Было в нем какое-то темное торжество и одновременно нездоровое облегчение, но, с другой стороны, откуда мне знать, как выглядит мужчина, сгорающий в нетерпении от страсти и уже не готовый остановиться. Тогда я поддалась сиюминутному паническому порыву и почти оттолкнула его, но Альми сплюнул на руку и навалился, вжимая всем весом в постель. И почти сразу я почувствовала внизу разрывающую тело боль.

– Нужно терпеть, Мунни, – захрипел муж мне на ухо, зажав рот ладонью. – Таков удел всех женщин. Потом будет проще, а сейчас некогда долго возиться.

Но проще не стало ни сразу, ни потом. С постели я встала с жуткой болью внизу живота, дневные часы в седле дались со страшной мукой, а кровь не прекращалась почти три дня. И каждая новая супружеская близость была тяжким испытанием для меня. При мысли о плоти Альми, грубыми рывками движущейся во мне, все внутри сжималось, словно протестуя и отторгая. На мою робкую попытку заговорить о том, нельзя ли делать все хоть чуть медленнее и мягче, он ответил, что настоящий мужчина не властен над собой в такие моменты, и правильная женщина обязательно сумеет подстроиться, ведь это ее предназначение – принимать в себя его любым образом. Больше я об этом не заговаривала, решив, что все образуется позже, тем более вне постели мой супруг все так же был внимателен и нежен, а самый неприятный аспект наших отношений всегда был кратким – буквально несколько десятков разрывающих жестких толчков, и я научилась терпеть это без жалоб. Вообще, складывалось впечатление, что пока мы одеты, большую часть времени, я замужем за тем самым мужчиной, что и пленил мое сердце, но вот ночами и когда он сильно выпивал или был чем-то расстроен... это был кто-то совсем иной.

И сейчас, много недель спустя, похоже, подтверждалась мелькавшая у меня столько раз мысль: что, если я «неправильная» женщина? Наслаждаться интимным вниманием супруга у меня так и не получалось, и, несмотря на все усилия Альми, я так и не смогла зачать.

– М-м-мунни, – пробормотал муж, немного наваливаясь на меня и обнимая, – ты вкусно пахнешь.

– Ты же обещал мне не пить столько, – мягко упрекнула его, позволяя опереться и провоя к постели.

– Ну не начинай! – дернул он тяжелой головой и пошатнулся, чуть не уронив нас обоих. – Чем мне еще прикажешь заниматься в этой глухой дыре? Я нормальный мужик и не могу только и делать, что сидеть около твоей юбки, дожидаясь, снисходительного ответа на наши письма.

Да уж, это еще один повод для расстройства. На три послания моему отцу, отправленные скрытым способом, не позволяющим нас выследить, в который я не вникала, еще не было получено ни одного ответа. Выходит, гнев его на блудную дочь сильнее, чем мы предвидели,

и он не готов пока простить меня. А что, если... Нет, такое развитие событий невозможно, он строг, но отходчив и к посторонним, а уж мне-то никогда по-настоящему не пришлось познать на себе его злость и даже строгость. Просто ему тоже нужно больше времени. Кажется, в моей жизни настал какой-то странный период ожидания улучшений, но сетовать на это я не собиралась. Ведь знала, на что иду.

– Если тебе так скучно, то ты мог бы охотиться или выходить в море с рыбаками, чтобы посмотреть на их работу, но не гробить свое здоровье в кабаке...

– Прекрати! – оттолкнул меня Алмер. – Может ты и аристократка по рождению, Мунни, а я простолюдин, но не забывай, что теперь ты моя жена, а негоже жене поучать мужа. Лучше забирайся в постель и дай мне то, что по праву мое. Давай, милая, скорее, знаешь ведь – я ненавижу терпеть.

Я опустила глаза и отступила дальше, ускользая от его рук, начавших пробираться мне под юбки.

– Не нужно, Альми, – покачала я головой, отводя глаза. – Мне нельзя сегодня.

Супруг нахмурился, как если бы и не сразу понял, о чем я, а потом его челюсти сжались до хруста и взгляд стал злым.

– Опять? – отрывисто спросил он и резко поднялся. – Да во имя Пресветлой Даиг, Мунна, разве ты не знаешь, что твоя беременность повышает наши шансы? Твой старик не сможет не растаять, узнав о том, что у него будет внук! И уж точно не покусится на жизнь его отца!

Унижение и обида вспыхнули во мне, заставляя вскинуть голову.

– Но что я могу сделать? – раздраженно возразила, сжав кулаки. – Разве я нарочно как-то препятствую зачатию?

– А разве нет? – еще больше повысил голос Алмер, поднимаясь. – Ты же меня подпускаешь к себе как можно реже! Такое чувство, что это каторга для тебя! Что, небось, уже сто раз пожалела о своем выборе и считаешь, что слишком хороша для меня?

– Что ты несешь? Я сбежала с тобой из дому, бросив все, не забыл?

– Ну да, и оказала уже этим такую великую честь, что просить еще чего-то – неимоверная наглость с моей стороны?

– К чему эти упрёки и такой тон! – С какой стати я должна оправдываться или чувствовать себя в чем-то виноватой?! – Я твоя законная жена!

– Ну так вспоминай об этом почаще в постели, а не лежи с лицом мученицы! – выкрикнул муж мне, а ощущение было, что ударил.

– Но мне больно, а я ведь просила тебя...

– Ой, замолчи! – пренебрежительно отмахнулся он от меня, как от обманщицы. – Да какой нормальной женщине бывает больно с мужиком спустя столько времени?

– И что ты хочешь этим сказать?

– Что все дело в тебе. Наша проблема в тебе, Мунни! И тебе стоит... ну, не знаю, что-то делать с собой, потому что если так и продолжится, то все наши мечты и планы развалятся по твоей вине!

– Ты не можешь так говорить! Это несправедливо! Ты заверял меня, что ничто не может стать помехой нашей любви, и ни о каком ребенке тогда речь не шла!

– Ага, ничто, кроме тебя самой, Мунни. И что я был бы за мужчина, если бы не хотел увидеть свое продолжение в потомстве. – Алмер тяжело поднялся и пошел обратно к двери. – Пожалуй, лучше мне проветриться. Ты опять так меня разочаровала, любимая, и нужно время немного успокоиться.

Опять время, это проклятое время...

Глава 3

На краткий момент мой характер едва не взял надо мной верх и не подтолкнул рвануться вслед за Алмером, накричать на него, высказывая и свои все обиды-разочарования в полный голос, а не смиренными намеками, но я сдержалась. Остановила меня мысль о том, что каждый брошенный мною в него камень мой бедный муж ощутит в сто крат сильнее, чем могла бы я. Неравный брак – вещь зачастую непростая для обоих супругов, и если моей проблемой были лишь унижение и потеря статуса в глазах общества, которые я могла легко перенести, опираясь на чувства нас связывающие, то ему придется постоянно жить со знанием, что он позарился на то, чего недостоин по факту своего происхождения, вечным презрением со стороны аристократов, даже когда наш союз станет общепризнанным фактом, и бесконечной завистью людей своего слоя. У меня был отец, который, я твердо знаю, потеплеет рано или поздно и не отречется от меня, состояние, принадлежавшее исключительно мне и доставшееся в наследство от матери, а у Альми теперь была лишь я. Так разве достойно будет с моей стороны превратиться в упрекающую фурию, когда ему и так наверняка хуже некуда от понимания своего положения.

Забравшись под одеяло, я решила дожидаться возвращения супруга и поговорить с ним спокойно и без всплеск взаимных претензий, именно так, как мы беседовали прежде, иногда часами напролет во время долгих конных прогулок. Между нами было столько чувств и нежности, столько трепета и страсти, они никуда не делись, просто все так сначала закрутилось, потом затянулось и замерло в тягостном ожидании новых изменений, что все наши помыслы сосредоточились на благополучном разрешении, и о настоящей близости мы забыли. И, возможно, если мы вернем ее, то и мое упрямое тело поймет наконец свое предназначение и примет Алмера, как и должно его жене и матери его будущих детей.

Незаметно для себя я уснула и, похоже, очень крепко, потому что ничто: ни единый звук или предчувствие – не побеспокоили меня ровно до того момента, пока грубая рука в мокрой, холодной перчатке не сжала мое плечо.

– Кресса Греймунна, вам следует проснуться и немедленно одеться, – прозвучал пугающе знакомый голос.

Я в испуге открыла глаза, чтобы уставиться в породистое высокомерное лицо Иносласа Арната – главного рунига тайной стражи правителя. В Гелиизене бытовала мрачная шутка, что увидеть его близко после наступления темноты страшнее, чем заметить в зеркале призрачную тень шараака – общеизвестного предвестника тяжелой болезни и даже смерти. Шараак может и померещиться, а если уж в ночи стоишь лицом к лицу с Арнатом – точно готовься к дурному.

Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не закричать, а только сесть прямо, натягивая одеяло до самой шеи, и даже гордо вскинуть голову.

– Кресс Инослас, вам не кажется, что ваше присутствие в моей спальне в столь поздний час... – начала я, но он тут же прервал меня небрежным взмахом руки.

– Оставьте, кресса Греймунна, эти ваши взгляды и позы для других, более подходящих для подобного обстоятельств, – сухим, лишенным любых эмоций тоном сказал он и бросил платье на мои колени. – Конечно, после сумасбродного побега с этим алчным бесхребетным червяком мое мнение о ваших недурных для девушки умственных способностях претерпело приличную коррекцию, но все же вы достаточно умны, чтобы понять: для сцен и демонстрации притворного негодования или недоумения сейчас не время. Одевайтесь потеплее, нас ожидает долгий путь, а дороги осенью просто отвратительны.

– У вас нет права говорить в такой уничижительной манере о моем законном супруге! – Все же не вняла я откровенному предупреждению в его тоне. – И уж тем более никуда не смеете меня забирать без него, ибо наш брак освящен Пресветлой Даиг и он теперь является моим опекуном перед всем миром и владыкой.

Руниг никак не отреагировал на мое возмущенное высказывание, только опять взмахнул рукой и отвернулся, веля одеваться. Спорить дальше в одной ночной рубашке не имело смысла: если у него был приказ забрать меня, то он это сделает непременно, даже если придется уносить в чем есть, и я торопливо оделась, прислушиваясь к звукам за окном и внизу в доме. Но все было тихо. Неужели Инослас приехал за мной в одиночку? Прямо и не знаю, радоваться тогда или бояться, ведь это могло означать все что угодно. Но зачем гадать?

– Кресс Инослас, вас прислал мой отец?

– Вам бы этого хотелось, не так ли? – В его голосе легко различалась усмешка. – Считаете, после того, как поступили со своим несчастным родителем, он непременно должен простить вас и принять обратно? Хотя, думаю, этот ваш пройдоха-любовник ждет такого исхода с еще большим нетерпением и алчностью.

– Супруг! – не сдержавшись, рявкнула я совершенно не подобающе аристократке, борясь с удушливым стыдом от справедливого упрека. – Потрудитесь называть его моим супругом или уж крессом Алмером!

– Оставьте вещи! – резко приказал Инослас, едва я закончила одеваться и потянулась к комоду, надеясь незаметно оставить знак или весточку мужу, хотя за все время так и не повернулся. – Ничего из этого вам не понадобится.

Мое сердце вмиг замерзло до звона и ухнуло вниз. Схватив меня под локоть, не жестко, но так что было понятно: пытаться освободиться не стоит, главный руниг повел меня вниз и подтолкнул к наглухо закрытому экипажу, оставленному перед самым крыльцом. И, естественно, еще пятеро рунигов более низкого ранга мрачными тенями маячили во дворе. Инослас с ледяной учтивостью помог мне взойти в карету и, забравшись следом, уселся на лавке напротив. Мы тут же тронулись, а я просто умирала от беспокойства за Альми, представляя, как он вернется домой, но не обнаружит меня. Надеюсь, он поймет все верно, помчится за нами в столицу, и перед отцом мы предстанем вместе, примем его гнев, разделив его поровну, как и положено настоящим супругам, и тогда папа все увидит, поймет и простит. Вне сомнений так и будет!

Из размышлений о скором грядущем меня вырвало резкое торможение экипажа. Не говоря ни слова, Инослас вышел наружу и протянул мне руку, предлагая последовать за ним.

– Где мы? – спросила, озираясь на улице из обычных крепких деревянных домов, что были здесь повсюду.

Нехорошо ухмыльнувшись, руниг приложил палец в перчатке к своим губам и увлек меня в чужой двор. На этот раз нас сопровождали двое его подчиненных. Обогнав нас, один из них без всяких церемоний ударил ногой по входной двери, широко ту распахивая, а Инослас почти грубо втолкнул меня внутрь, и, лишь раз взглянув перед собой, я едва не завопила от страха.

Абсолютно обнаженный Алмер был привязан за руки к потолочной балке так, что едва касался пальцами ног пола. Во рту кляп, лицо красное, искажено от боли, глаза остекленевшие, тело сплошь покрыто потом и кошмарными розовыми следами, очевидно, от плетей, вытянуто в струну и так напряжено, что чудилось: вот-вот лопнут мускулы.

Я рванулась к мужу, ничего не видя перед собой и игнорируя отстраненную мысль, что впервые вижу его совершенно голым, но Инослас внезапно выбросил вперед свою ручищу и, зажав рот, с силой притиснул спиной к своей груди, одновременно фиксируя оба запястья.

– Не возражаете, если мы присоединимся к веселью? – с ядовитой насмешкой спросил он, сдерживая мое истеричное сопротивление, и наклонился к уху: – Спокойно, кресса Греймунна, не нужно так торопиться. Мы не пропустили ничего действительно интересного, не так ли?

– Да как вы смеете! – завизжала вдруг где-то справа женщина, но я не могла оторвать глаз от Алмера, который, заметив нас, внезапно побледнел, вытаращился, глядя именно на меня прямо-таки с ужасом, и задергался в своих путах, извиваясь всем истерзанным телом.

Отчаянно замотав головой, я смогла освободиться от ладони, зажимавшей рот, и заорала что есть сил:

– Кто дал вам право так обращаться с ним! Немедленно развяжите!

– Претензия не обоснована, кресса Греймунна, – невозмутимо ответил мой захватчик. – Ее, как и требование об освобождении, следует адресовать той, кто и связал вашего... оставим без комментариев кого.

Тут к ногам моего мужа тот руниг, что ворвался первым, швырнул полуголую женщину, лицо которой было полностью скрыто светлыми волосами, и Алмер стал вырываться из веревок еще сильнее, глядя теперь исключительно на нее.

– Что здесь про... – начала я и ошалело обвела все еще раз взглядом, понимая, что передо мной открывается иная картина.

Уютно горящий камин, на столе фигурная бутылка дорогого привозного вина, бокалы и недешевые закуски, толстые ароматические свечи, рядом с беспомощным Альми широкая лавка с разложенными на ней предметами, что, безусловно, напоминали бы орудия пыток, но были выполнены из лучшей кожи и серебра с инкрустированными золотом и камнями ручками. И в самую последнюю очередь я таки позволила себе увидеть не только искаженное лицо супруга... а всего его. В том числе и его выпирающую, налитую до предела мужскую плоть, основание которой было перевязано шелковой веревкой.

Мой желудок свело тошнотой, и Инослас наконец отпустил меня. Женщина откинула волосы и поднялась на ноги, нисколько и не пытаясь прикрыть свои тяжелые, немного обвисшие груди, наоборот, выпрямилась, нагло уставившись на меня. Красивая, но явно не наша с Альми ровесница, лет на десять старше, ее лицо мне почудилось смутно знакомым, кажется, видела ее как-то разговаривающей с Альми, но было это давно.

– Жаль прерывать такую многозначительную немую сцену, но времени у нас в обрез, – спокойным и даже нудным голосом начал главный руниг. – Советую присесть, кресса Греймунна, это займет некоторое время, да и выглядите вы что-то неважно.

Я, пребывая словно в каком-то оцепенении, покосилась на лавку с отвратительными приспособлениями и осталась стоять.

– Как хотите. Раз вы тут единственная, кто не до конца все понял, позвольте мне представить присутствующих, ну, кроме меня, само собой, – продолжил мужчина. – Скучно одетая дама низшего сословия перед вами – Таниль Редес. – Я вздрогнула, услышав фамилию мужа, которую носила теперь и сама. – Да-да, кресса Греймунна, она старшая сводная сестра вашего... хм-м-м... Алмера, по совместительству его совратительница, постоянная и единственная настоящая любовница.

– Я та, кто им всегда владела и будет владеть! – презрительно выплюнула женщина, а мой вероломный супруг, задергался еще отчаянней, мыча и вращая глазами.

– Да, вот тут не поспоришь, кресса Греймунна. Таниль в чрезвычайно юном возрасте была нанята в качестве прислуги в столичный дом кресса Аэгримма Мереха Авро, но обязанности у нее там были весьма специфические.

– Старый ублюдок пользовал меня при любой возможности, причем совсем не в те места, куда имел свою суку-супружницу ради зачатия высокородных детишек! – Мой желудок скрутило еще туже, а вот эта женщина, похоже, прямо получала удовольствие от происходящего и от моей реакции. – Еще бы, разве можно пихать свой вонючий член по утрам в рот благородной крессе, или совать ей в зад все что вздумается, привязав и отхлестав для начала! Не-е-ет, аристократки ведь рождены для почитания и всеобщего уважения, а для удовлетворения поганой похоти есть такие, как я! Только все меняется, кресса Греймунна!

Меня согнуло, и, потеряв равновесие, я привалилась плечом к стене. Зачем она говорит мне все это? Неужели не хочет хоть прикрыться? Разве человек должен испытывать желание вываливать подобную, пусть и происходившую в ее жизни мерзость, на ни в чем не провинив-

шихся перед ней окружающих? Почему она не плачет, в конце концов, не падает в ноги рунигу и мне, как не понимает, к чему все тут идет?

– Таниль высказалась достаточно! – небрежно кивнул Инослас своему молчаливому подручному, и тот скрутил руки женщине за спиной и заткнул рот какой-то тряпкой. – Как мило, наши любовники теперь в почти одинаковом положении. Но вернемся к моему рассказу. Кресс Аэгримм утратил интерес к Таниль по достижении ею определенного возраста и вышвырнул обратно к матери, которая к тому времени успела уже второй раз выйти замуж за овдовевшего отца Алмера. Чрезвычайно привлекательного, слабовольного мальчика, что и пленило уже безвозвратно испорченную натуру более старшей девушки.

Я прижала руку ко рту и хотела бы попросить рунига прекратить весь этот ужас, но не могла издать ни звука, только стоять, смотреть и бороться за дыхание.

– Усилиями сводной сестрицы Алмер очень рано познал прелести извращенного секса, подпав навсегда под ее влияние, уверовав, что лишь она единственная способна дать ему настоящее наслаждение, так? – Таниль даже с заломленными руками умудрялась смотреть на меня с презрительным превосходством, Альми же просто затих, видимо, смирился и глядел на нее с преданностью собаки. Все время на нее, не на меня!

– Спустя пару лет их родители трагически скончались. Угорели в доме, тогда как отпрыски чудом выжили. Застали вас за пикантными играшками и стали лишними? – Женщина фыркнула и отвернулась. – Жили они, жили, но после бытности в роли щедро балуемой игрушки-фаворитки у богатого кресса несчастной Таниль было противно жалкое существование простой горожанки, что должна с какой-то стати зарабатывать свой хлеб в поте лица. Размениваться на мелочно-прибыльные интрижки с лавочниками и ремесленниками она посчитала недостойным для себя и решила, что ее смазливое послушное любовника можно использовать еще одним, выгодным во всех отношениях, способом. Нанялся он сначала в поместье почтенного семейства Гритан Фуао и стал дурить голову их молоденькой дочери.

Я закачала головой, не желая знать... верить... Даиг, какая же грязь! И я в ней по уши! И так мне и надо! Разве не такое получают дуры и вероломные дочери, предающие доверие своего родителя?

– Но там не срослось – деву быстро пристроили замуж, и тогда родственнички подались в столицу. Само собой, те, кто допустили, что этот Алмер был нанят к вам конюшим, а потом еще и прохлопали развитие отношений между ним и племянницей самого правителя, уже наказаны и больше никогда не повторят своих ошибок.

– Я хочу, чтобы моего... мужа развязали! – выдавила я из себя. Невыносимо было смотреть на него, болтающегося, словно кусок мяса, с этим... впереди...

– К сожалению, в данном действии нет смысла, – безразлично произнес Инослас. – Снимать, потом вешать... время, кресса Греймунна, время. Мы здесь уже почти закончили.

– Вы о чем? – напряглась я.

– О том, что это самое время для Алмера и Таниль уже истекло, да и нам пора отправляться.

Я даже не могла бы сказать, что испытываю. Отвращение, брезгливость, будто стояла в море нечистот, жгучую ярость и обиду, желание схватить один из проклятых кнутов и полозовать тело предателя, а потом и его шлюхи-сестры, искровить ей все это ухмыляющееся над моей наивностью лицо, выбить бесстыжие глаза, горящие торжеством женщины, прекрасно знающей, кто между мной и ею все же победитель. Я страстно хотела, чтобы она сдохла... она, но не Алмер. Не видеть его больше никогда в жизни – да, но смерть... слишком...

– Вы не можете взять и убить супруга аристократки без всякого следствия и разбирательства как обычного простолюдина, и вам это известно, Инослас, – хрипло пробормотала я, ощущая себя истекающей кровью. – Мы состоим в священном союзе, а значит, его можно лишь судить, доказать вину и только потом...

– Разбирательство, огласка, сплетни, скандал! – отмахнулся руниг. – Ничего из этого нам не нужно, кресса Греймунна.

– Как бы то ни было, наш брак – факт, и ничего вы с этим не поделаете. – Понятия не имела, откуда брала силы для спора и зачем это делала.

– Так уж и ничего? – Инослас прошел вглубь комнаты и поднял с пола добротную куртку Альми, лежавшую на полу у камина. Порывшись в ней, он нашел прямоугольный мешочек из мягкой замши, извлек на свет сложенный вчетверо очень знакомый лист плотной бумаги с вензелями, бегло пробежался по нему глазами и, шокировав меня, швырнул тот в огонь.

Вскрикнув, я метнулась вперед, но слишком поздно. Бумага занялась и почернела моментально.

– Это ничего не значит! – воскликнула, сжав кулаки. – Есть свидетели, жрец, записи в храмовой книге.

– Жрец был стар и недавно почил после приступа несварения, свидетели сгинули, а записи... – Он достал из кармана неаккуратно свернутый желтый лист с небрежно оборванным краем и, взмахнув им, как платком, дал на секунду взглянуть мне, смял и кинул в камин.

На этот раз я даже попытки не сделала спасти последний документ, подтверждавший факт нашего супружества.

– И чего вы этим добились, кресс Инослас? Мы связаны Пресветлой Даиг, а не какими-то бумажками и чернилами на них, так что можете жечь что угодно – правды это не изменит.

– Вы потрясающе наивны для девушки, выросшей в коридорах дворца правителя, кресса Греймунна, – покачал головой главный страж, будто на самом деле сожалел. – Правда – столь многоликое понятие, люди вечно твердят о том, что она всегда только одна, но каждый под ней подразумевает нечто свое и меняет ее так и эдак, чтобы не слишком глаза колола и удобно помещалась в карманах, желательно одаривая их приятной тяжестью. О вашем приключении – браком это язык не поворачивается назвать – знает весьма узкий круг людей, а когда мы покинем это место, их станет еще меньше. Но раз, как вы правильно заметили, факт все же имеет место быть, с этим что-то нужно решать.

Резким движением он схватил меня и снова притиснул к своему жесткому телу, обхватив одной рукой поперек талии, а второй сжал подбородок, вынуждая смотреть прямо на мужа, не отрываясь.

– Приступайте!

Стоявший абсолютно неподвижно его подчиненный вдруг накинул через голову Таниль петлю и затянул ее. Женщина забилась, ноги ее подломились, а глаза на краткий миг вспыхнули неверием, шоком и закатились. Алмер, реагируя на это, замычал, бешено извиваясь, и по его запястьям побежала кровь. Не отдавая себе отчета, я тоже принялась неистово вырываться, пытаюсь кричать, но Инослас стиснул мою челюсть.

– Дурные поступки приводят к наказанию, кресса Греймунна. Не всегда тяжесть проступка соответствует степени кары, но это, по моему мнению, чистая демагогия и сугубо субъективный взгляд, – вещал он безразличным голосом, пока на моих глазах происходила казнь. – Сейчас вы наблюдаете за тем, как наказание настигает других, но мне бы хотелось, чтобы вы осознали: за ваш проступок оно тоже последует, вам стоит принять его неизбежность и смириться.

Тело Таниль обвисло, перестав подавать признаки жизни, и мой муж заревел сквозь кляп, безумно выкатывая глаза. Отбросив труп, палач подошел сзади к Алмеру и накрыл рукой в черной перчатке его нос и рот, полностью лишая воздуха. Я все надрывалась и колотила Иносласа куда могла достать, а потом зажмурила глаза, не в силах смотреть.

– Ну что же, поздравляю, кресса Греймунна, теперь вы вдова, хотя для широкой общественности никогда еще не были замужем, что, впрочем, скоро изменится. Пора становиться

взрослой девочкой и начать наконец приносить пользу родному Гелиизену, как и полагалось девушке вашего происхождения.

Он отпустил мое лицо, и голова бессильно повисла, пока я захлебывалась в рыданиях.

– Проследи за тем, чтобы никто не смог их узнать, и вычистите оба дома, – приказал мужчина за моей спиной. – Догоните нас по дороге.

Я не открывала глаза, пока Инослас меня практически волочил к экипажу, не стала этого делать и внутри, просто скрутившись на лавке и не желая больше никогда видеть весь этот мир.

Глава 4

Не представляю, сколько мы ехали до первой остановки. Сквозь плотно закрытые веки все лились и лились слезы, а момент, когда Алмер начал биться в конвульсиях, задыхаясь, застыл в моем сознании нестираемой, выжигающей роговицу картиной. Я бы даже не могла сказать, что мне больно... мерзко... унижительно... скорее – никак. Все чувства словно замерзли, а соленая неостановимая влага была как бы сама по себе. Изливалась из источника, спрятанного глубже охватившей сейчас мертвой мерзлоты. Смутно я осознала, что через какое-то время Инослас завозился, переместившись в дальний угол экипажа, а потом мое скрюченное тело накрыло чем-то пушистым и плотным, под чем я быстро согрелась снаружи, оставаясь такой же обледенелой внутри. Возможно, спала. Или даже, точнее, провалилась в забытие без сновидений.

– Кресса Греймунна, нужно встать, – потряс меня Инослас, а я только зарылась глубже, желая так и остаться навсегда, но мужчина был намерен настаивать: – Вставайте, вам нужно поесть и позаботиться о своих нуждах, пока меняют лошадей.

Отобрав у меня теплый покров, что оказался одеялом из мягчайшего белоснежного меха идеальной выделки, протянул руку, ясно давая понять, что в покое не оставит.

Шаркая ногами, как старуха, и ощущая себя разбитой на куски, я покинула экипаж. Уже был день, мрачный, промозглый, из тех, что своей тягостной атмосферой обещают близкие снег и еще больший холод, которые скуют землю до весны. Проводив меня до придорожной таверны, главный руниг пару раз глянул вверх, недовольно и даже, похоже, с тревогой.

Отхожее место тут было таким же холодным, как и все вокруг, пахло ужасно, и гуляли сквозняки. Учитывая, что за дни выпали на эту внезапную дорогу, мне еще и пришлось перед походом сюда унизиться и объяснить в общих чертах Иносласу, что нуждаюсь в обращении к кому-то из местных женщин. Выслушав меня, мужчина стиснул локоть и наклонился к моему уху.

– Он хотя бы спал с вами, кресса Греймунна? – едва слышно прошепел, и мне показалось, что в нем происходила некая внутренняя борьба, колебание, хотя это же первейший стражник правителя, и все в курсе, что этому человеку в принципе неизвестно, что такое колебания или сомнения.

– У вас нет права спрашивать меня о таком! – вспыхнула я в ответ. Видимо, не так уж и обмерзли мои эмоции, если вмиг запылали.

– Хотите вынудить демонстрировать всю широту моих прав и полномочий в отношении вас? – цинично ухмыльнувшись, спросил он. – Уверены?

Я промолчала и отвернулась, понимая, что он все равно получит свои ответы любой ценой.

– Вы предположительно делили постель с мужчиной больше четырех месяцев, но ребенка нет, – отчеканил он. – Почему? Алмер спал с вами, кресса Греймунна? Брал вас как женщину?

О, Даиг, сколько же оттенков унижения мне еще нужно постигнуть?

– Да, – злобно выплюнула я.

– Но вы не беременели, – по-деловому кивнул руниг. – Почему? Принимали килик?

– Что? Нет же! – возмутилась я и тут же скисла от вспыхнувшей в груди боли, вспомнив, как настаивал мой... супруг на зачатии и что сама испытывала вину за неудавшиеся попытки. – Просто... ничего не выходило.

Инослас только кивнул и, было похоже, вздохнул с неким облегчением.

Руниги освободили от других посетителей ту часть таверны, где мы расположились, и меня усадили так, чтобы почти невозможно было увидеть ни с одной из сторон. Есть мне не хотелось, я лишь задумчиво ковырялась в тарелке.

– В следующий раз вы увидите горячую пищу не раньше, чем через сутки, кресса Греймунна, – указал на нетронутую трапезу Инослас, – на вашем месте я бы хорошенько подкрепился.

– Куда вы меня везете? – прямо спросила, откладывая ложку и демонстрируя, что его совету я следовать не намерена.

– Изначально мы направлялись в Вальдре, но теперь этот пункт нашего маршрута отпадает за ненужностью.

– И?

– И на данный момент мы станем двигаться именно туда, куда и должны – к северной границе Гелиизена, – сказав, он остановил полную ложку на полпути и уставился на меня, как будто не хотел пропустить реакцию. – Ваша память достаточно хороша? Вы еще помните, что до того как ляжет первый снег, вы должны оказаться у аниров?

Я сглотнула ком в горле и прикрыла глаза.

– Вы не можете отдать ему меня... теперь, – пробормотала, понимая, что решение уже давно принято и мои слова – пустой звук.

– Почему нет? Оноп Бора хотел вас или же грозил разрывом перемирия – он вас получит. Наш родной Гелиизен останется прекрасным и нетронутым благодаря вам. Разве вы этому не рады?

– Мой отец не согласился бы... ни за что... – Глупая девчонка, ты ведь знаешь правду, потому и решилась так отчаянно на побег, для чего же сейчас отрицать очевидное?

– Если вы закончили с едой, кресса Греймунна, то нам пора ехать, – резко поднялся помрачневший главный руниг.

Мы молча проществовали до экипажа, уселись и ехали около часа по ухабистой дороге, все еще храня безмолвие.

– Ваш отец ни на что и не соглашался, девушка, – неотрывно глядя на унылый пейзаж за окном негромко сказал Инослас, – и он не посылал нас сюда.

– Дядя?

– На вашем месте, я бы называл его «правитель» или «наш государь», – все так же не удостоив меня взглядом, ответил руниг. – Усвойте, что в семьях с таким положением, как у вашей, общепринятые понятия родства работают, только если это выгодно тем или иным образом.

Что же, я столько раз про себя потешалась над провинциальными дурочками, с восхищением ожидавшими своего появления на праздниках в надежде на романтическое чудо, а получавшими, если повезет, удачные партии, подобранные их родителями по всевозможным выгодным соображениям. Чем я сама лучше? Только тем, что, взбрыкнув, умчалась в ночь не с тем, с кем надо, а с тем, кого выбрало сердце? Глупое слепое сердце. Но толку-то из всего этого? В итоге вот она я, трясусь в почти промерзшем экипаже именно в том направлении, что было выбрано для меня другими изначально.

– Мой отец хотя бы знает... обо мне? – Ненавистно выпрашивать что-то у Иносласа, будто милостыню просить, но больше-то взять информацию неоткуда.

– Вас интересует, получал ли он ваши письма, где описывалась неземная любовь и безбрежное счастье с милым душе смазливый извращенцем? – цинично ухмыльнулся руниг, кратко сверкнув на меня глазами цвета серого льда. – Да, получал. И даже поверил всему, что там писалось. Знает ли он, что с вами прямо сейчас? Нет, и если вы хоть отчасти та дочь, которой он заслуживает, то это должно радовать вас.

– Радовать? То, что вы не позволили мне увидеться с ним, прежде чем потащить в чужую страну и отдать на растерзание жуткому варвару? – Огромным усилием мне удалось сдержать желание закричать.

– А для чего вам видется? – пожал плечами Инослас, впери́вшись безразлично, как смотрят на кого-то бесконечно скучного и незначительного. – Его сердце едва пережило факт того, что вы избрали в спутники жизни простолюдина, вместо десятков достойных молодых людей, что увивались вокруг, любой из которых с легкостью пошел бы на побег от свадьбы с аниром, предложи вы это. Кресс Иногарт – прекрасный политик, умный, жесткий, где нужно, талантливейший управленец и один из лучших умов Гелиизена, но у него есть единственное уязвимое место – вы, кресса Греймунна. Всегда, когда дело касалось вас, он в первую и главную очередь лишь мягкотелый отец, готовый прощать вам все что угодно, идти на поводу у любых ваших капризов, и, как выяснилось, даже способный пожертвовать миром и благополучием Гелиизена ради вашего так называемого счастья. А так как в своих письмах об этом самом счастье вы ему и вещали, а за онора Бора замуж явно не стремились, то он решил сначала ото всех скрыть факт вашего побега, заявив, что вы скоропалительно отправились на воды, смиряться с будущей участью, а потом и вовсе наотрез отказался сообщать Окнерду Пятому о том, где вы и с кем, даже под угрозой суда.

Я охнула, сжимаясь вся от страха за отца.

– Он... Его... Что с ним? – пробормотала, заикаясь.

– Начинаете в полной мере осознавать последствия? – недобро усмехнулся руниг. – Правильно, так и должно быть. Нет, ваш отец слишком ценен для нашего государства, чтобы глупый поступок его дочери перечеркнул все его заслуги, прошлые и будущие. К тому же после некоторых раздумий, мы решили, что, возможно, все и сложилось к лучшему. Поэтому кресс Иногарт так и будет пребывать в убеждении, что вы скрываетесь с вашим Алмером, купаясь в любви и ласке. По крайней мере до тех пор, пока не объявят о вашей свадьбе с онором Бора. Это уберет его от новых множественных потрясений, отвлечений от дел государственной важности и попыток сделать нечто опрометчивое и безумное, чтобы освободить любимую дочурку от ее незавидной участи.

– А потом? Думаете, он спокойно перенесет подобные новости?

– Поверьте моему опыту, кресса Греймунна, люди обладают способностью легче смиряться, когда их ставят перед уже свершившимися фактами, с которыми ничего не поделать, нежели если считают, что возможны иные варианты развития событий. Вот вы наверняка через время стали бы строить иллюзии по поводу того, как могло бы сложиться, убери мы с вашего пути только мерзавку Таниль, но оставь в живых бедняжку слабовольного и поработанного ее похотью Алмера.

– Этого бы никогда не случилось, – огрызнулась я, сжав зубы и вцепившись в мягкий мех, укрывавший колени. – И обсуждать это я с вами не собираюсь.

– А больше-то и не с кем и нечего, кресса Греймунна, а дорога перед нами долгая и нудная. Вам бы эта беседа помогла бы внести окончательную ясность: например, понять, что никакой любви не было никогда. Все, что вам говорил этот червяк, все нежные фразочки, приемчики, что вас таки пленили, – это искусная манипуляция его сестры, подсказывавшей ему каждое действие. Все по наущению и под чутким руководством опытной партнерши и подельницы: прикосновения, ласки, удовольствия... – Меня передернуло от грубой циничности его тона и собственного стыда. – Хм... а были ли те удовольствия?

– Наслаждаетесь, пытая меня подобным образом? – спросила, добавив в голос яда, прямо и твердо посмотрев на него. – И после этого Таниль и Алмера вы зовете извращенцами? А сами-то не грешите тем же, кресс Инослас?

– О, ну надо же, как быстро вернулась знакомая мне кресса Греймунна! – хмыкнул он и указал глазами на мои стиснутые кулаки. – Кстати, понежнее с мехом, это чрезвычайно дорогая вещица и к тому же подарок будущего супруга. Не хотите взглянуть и на другие? У нас только тут четыре короба, а еще и столько же снаружи.

Он кивнул на небольшие сундуки, окованные серебром, покрытые искусной резьбой и инкрустацией, что стояли под его и моей лавками, на которые я не обращала до сих пор особого внимания.

– Мне плевать на них. – Я дернулась и одеяло оттолкнула, но окружающий холод заставил умерить гордыню.

– А напрасно! Ваш жених проявил прямо-таки немислимую щедрость, осыпая вас мехами, украшениями и драгоценной посудой, что прибывали с каждым почтовым обозом. Старался произвести, видимо, впечатление и убедить вас, что нисколько не прогадали, выбрав его.

– Я его не выбирала! Все было как раз наоборот.

– Ну это смотря как на это взглянуть. Метку же ему вас никто ставить не вынуждал, – монотонность голоса, говорящего столь выводящие из себя вещи просто добивала меня.

– Не представляю, о чем вы, кресс Инослас.

– Не лукавьте. Онор Бора покинул зал торжеств дворца, гордо унося на своей щеке след от вашей ладошки. Или запомнили?

– И что? Он спровоцировал меня, отозвавшись слишком вольно о темпераменте женщин с родины моей матери, я ответила так, как мне показалось нужным в тот момент, – пробормотала уже без всякой уверенности, краснея от воспоминаний о том некрасивом моменте.

– Допустим, того, что он вам сказал, не слышал никто, кроме вас.

– Не имеет значения. В любом случае пощечину сложно счесть за знак расположения к мужчине, – упрямо возразила я.

– В Гелиизене, кресса Греймунна, – указал мне на очевидное руниг. – А вот брачные традиции аниров гласят, что если мужчина претендует на женщину, а она берет и отмечает его каким-либо способом – это равносильно согласию и даже обряду обручения. С этого момента они, считайте, обещаны друг другу.

– Нелепость какая-то! – возмутилась, снова комкая бесконечно мягкое пушистое величание на коленях. – А если он ей безразличен?

– Если вам кто-то совершенно безразличен, то вы не вспыхиваете, как катахинская гремучая пыль от пары его неуместных фраз, не так ли? – нудным тоном начал перечислять Инослас. – Игнорируете, отвечаете колкой фразой, строгой сдержанной отповедью или, скажем, идете и жалуетесь тихо или во всеуслышание на нанесенное оскорбление, реальное или вымышленное, но никак не бросаетесь на чужака в разы крупнее вас, рискуя тем самым разрушить перемирие между двумя государствами.

– Вообще-то, игнорировать себя этот варварский громила не позволил, – прищурилась я на невозмутимого мужчину, чувствуя, что начинаю вскипать, точно как тогда в зале. – Два других способа не возымели на него никакого действия, а вот пойти и элементарно наядбедничать я как-то не сочла достойным действием.

– А зря, но что уж теперь об этом рассуждать, кресса Греймунна. Факт свершился – метка была вами оставлена добровольно при большом скоплении свидетелей с обеих сторон.

– Я понятия не имела! Что за гость вламывается в чужой дом и навязывает там свои обычаи? – Пресветлая, мне остро захотелось врезать проклятому аниру опять, но теперь это был бы не жалкий хлопок ладошкой, как пристало аристократке, нет, я бы с легкостью опустилась до того, чтобы взять что потяжелее.

Но вместо воображаемого повреждения онору Бора, словесную оплеуху получила сама.

– Тот, кто может себе подобное позволить, говоря с хозяевами с позиции силы и неоспоримого, пока, превосходства, – с беспощадной жесткостью ткнул меня в реальность Инослас.

– Все равно! Что за несуразный, глупый обычай? – огрызнулась, не готовая взять и смирить свой характер под давлением неприглядной действительности. – А если мужчина преследует женщину, доведет ее своими ухаживаниями до белого каления, и она будет вынуждена от

него защищаться, то это тоже посчитают признаком скрытой симпатии с ее стороны и объявят их женихом и невестой?

– Мы знаем об обычаях северян и об укладе их жизни в принципе до прискорбия мало, так что могу только предположить, что у них существуют некие законы, как-то регулирующие это. Но в вашей конкретной ситуации поводов для активной защиты онор Бора не подавал, проявите честность.

– Честность? Тогда и вы, может, ее проявите и признаете, что готовы выслуживаться перед ними, словно дрессированный пес, находя оправдания для любых их чокнутых причуд и оскорбительных для каждого преданного гражданина Гелиизена действия или высказывания!

– Преданного гражданина Гелиизена?! – разразился циничным смехом мужчина. – Надо же, кто мне об этом говорит – капризная избалованная девчонка, папенькина дочка, привыкшая что все и всегда сходит ей с рук, причем даже без особых порицаний и упреков! Когда откровенно дерзко себя повели в отношении представителя другого государства, перемирие с которым едва установлено, вы руководствовались исключительно патриотическими чувствами? Или когда сбежали, ставя под угрозу интересы и безопасность собственной страны, членов своей семьи и каждого жителя Гелиизена? Все что вас волновало – это личные бестолковые желания и шанс показать всем и вся невыносимый характер, на что девушка вашего сословия и происхождения не имеет никакого права! И даже сейчас вы тут сидите с оскорбленным видом несчастной жертвы, отдаваемой на заклятие, нисколько не задумываясь, сколько людей уже заплатило жизнями, положением, нервами за ваш безответственный побег за якобы счастьем! Да, для меня все они тоже виновны: и ваш отец, кто не проявил достаточной строгости в вашем воспитании и доверял глупой дочери, и ваши учителя, которые не привили вам понятия о серьезном отношении к обязательствам, и слуги и соглядатаи, что вас окружали, но смотрели сквозь пальцы на все, привыкшие, что вам прощается каждый фортель, а значит, зачем и напрягаться, но главное преступление за все, однако, лежит на вас! Если еще пытаетесь для себя это отрицать или обелять свои поступки, то о какой честности идет речь? И сравнение с псом из ваших уст не является оскорблением для меня. Да, я пес, верный пес нашего правителя и Гелиизена, готовый со всей свирепостью отстаивать интересы родного государства, блюсти волю монарха, и мне глубоко плевать на мелкие страдания ветреной аристократки, что своими действиями подвергла их возможной неудаче. А на что способны вы, кроме как идти на поводу у своей очередной блажи, благородно предоставляя право расплачиваться за нее окружающим?

Из моей груди рвался крик гнева, бушевала нужда все отвергнуть и одновременно разрыдаться от жестокой справедливости его слов. Но нет у меня прав на малодушные слезы и жалость к себе. Я заслужила эти упреки и обвинения, прекрасно знала с самого начала, как поступать правильно, а что делать неприемлемо с моей стороны. Знала, но пренебрегла всем этим, отбросила с легкостью, на самом деле твердо уверенная, что все мне простится, как-то образуется, ближние и дальние подстроятся под продиктованные мною вздорные условия. Неблагодарная дочь-предательница, племянница правителя, за которую нужно испытывать стыд, негодная аристократка, нарушившая все нормы приличий, и никакая не верноподданная, недостойная гражданка, что уже дважды чуть не спровоцировала конфликт с врагом, поставив на кон жизни всех тех, кто неизбежно в нем бы пострадал. Другие, незнакомые мне люди, но не я. Как всегда. Только и остается, что убраться куда подальше от всех, кому нанесла вред и перед кем опозорилась так или иначе, и попытаться принести хоть мизерную пользу своим существованием и так компенсировать ошибки.

Глава 5

Путь до последнего приграничного города Винигарда занял почти трое суток с краткими передышками в придорожных харчевнях, и чем дольше мы ехали, тем холоднее становилось. Дорогу, раскисшую и разбитую после многодневных осенних дождей, начало прихватывать первыми морозцами, несмотря на солнечную погоду, и под колесами экипажа вовсю шуршало и даже ломко хрустело, особенно ближе к ночи. Мне чудилось, что я уже просто забыла, как это: расслабиться в тепле. Тело ныло и болело от лавки, дико неудобной при бесконечной тряске и в столь долгой поездке, но жаловаться вслух или хоть как-то показывать свой дискомфорт крессу Иносласу мне не хотелось принципиально. И так хватало его цепких, иногда насмешливых, иногда изучающих едва ли не до расчленения взглядов, на игнорирование которых тоже уходило немало моих сил. К общению больше никто из нас не стремился, и все оно сводилось к кратким, исключительно необходимым фразам во время остановок.

На свою гордыню пришлось наплевать и найти в сундуках с подарками моего анирского жениха еще теплых вещей и даже необычайно мягкие и легкие меховые сапожки, и теперь я сидела завернутая в несколько слоев и основную часть времени дремала, стараясь не задаваться вопросом, как вообще собираюсь выжить в краю, где, по слухам, мороз и снег бывают большую часть года. В столице Гелиизена они случались всего на пару недель зимы, и то вся жизнь почти останавливалась, а на родине моей матери о таком не слышали вовсе. Оставалось надеяться на способность человека постепенно приспособиться к чему угодно, иначе мое существование в чужом государстве с совершенно незнакомым огромным варваром в качестве супруга да еще неизвестно с каким характером грозило обратиться в заключение в четырех стенах на все холодное время года. Будет ли это намного хуже, чем если бы меня отправили в замок Позора? Кто знает. Никому не известно, как жилось отправленным туда оскандалившимся аристократам, но сплетни ходили одна страшнее и отвратительнее другой.

Грохот колес по каменной мостовой вырвал меня из постоянной полудремы, и, открыв глаза, тут же столкнулась с пристальным взглядом главного рунига. Этот человек спит хоть иногда?

– Винигард, кресса Греймунна, – сухо сообщил мне он, когда я мельком глянула в маленькое оконце, изрядно заляпанное по дороге. – Это наша последняя остановка перед границей с Аргастом и весьма длительная. Здесь находятся термические салоны крессы Бронрунны Эвтир, где вам помогут подготовиться достойным образом к встрече с вашим женихом, дабы не разочаровать его нынешним бледным и запущенным видом.

– Этот вид у женщин зовется естественным, кресс Инослас, – огрызнулась я. – И на родине моего будущего мужа у меня вряд ли будет возможность ухаживать за собой привычным для гелиизенской аристократки образом, так что, возможно, ему лучше сразу и привыкнуть видеть меня именно такой.

– Так легко вы не изменитесь, верно? – ухмыльнулся он, в то время как наш экипаж стал снижать скорость перед длинным одноэтажным зданием с яркой вывеской и обильно поднимающимся над трубами паром. – В любом случае решение этого вопроса за мной, а не за вами, так что прошу на выход.

Внутри было тепло и пахло смесью всевозможных дорогих масел и трав, чистотой и душистой влагой, и мое тело сразу же заныло, откликаясь на знакомые ароматы и готовясь получить порцию такого огромного, но прежде несколько особенно и не ценимого удовольствия. О, Даиг, кто бы мне сказал, даже в начале этого пути, что все моя душа просто возликует в предвкушении горячей ванны и косметических процедур, трата времени на которые вечно раздражала мою неусидчивую натуру?

Главный руниг сам распоряжался всем, отдавая приказания и хозяйке заведения, и прислуге, демонстративно отсекая меня от любого общения. Причем, судя по его командам, этот мужчина был прекрасно осведомлен о том, какие манипуляции совершают женщины со своей кожей и телом в подобных салонах. Кресса Бронрунна попыталась возразить, объясняя, что присутствие мужчин в женском заведении в принципе не предусмотрено, когда Инослас сообщил, что намерен находиться постоянно в одном помещении со мной, но руниг прервал ее совсем не вежливо и тем самым тоном, от которого начинали размягчаться колени у самых дерзких аристократов.

Остальные посетительницы могут явиться за вашими услугами и в любой другой день, дорогуша, – с вымораживающей кровью улыбкой произнес он. – Даю им полчаса на то, чтобы убраться восвояси. И за это же время вам стоит отыскать ширму, или же девушкам из прислуги придется стоять все это время и удерживать простыни. Мне плевать, какой вариант вы выберете, но кресса Греймунна не останется без моего присмотра ни на мгновение.

Прекрасно, теперь все вокруг взирало на меня как на личного врага и источник проблем в чистом виде, и, естественно, ни о каких расспросах, даже шепотом, и речи не шло. А я-то уже понадеялась почерпнуть хоть каких-нибудь знаний об анирах, ведь Винигард всего в сутках езды от границы с чужим государством, и его жители могли просветить меня. Но, очевидно, это не входило в планы Иносласа.

Меня парили, терли, купали, скоблили, удаляли появившиеся волоски повсюду, натирали дорогими маслами, и при других обстоятельствах я едва ли не стонала бы от облегчения в настывшем и столько дней немытом теле, но в этой тягостной тишине из-за близкого присутствия пугающего всех рунига совсем расслабиться не выходило ни у меня, ни у трудящихся надо мной девушек. Они то и дело опасливо косились на тонкую ширму, явно раздраженные необходимостью таскать ее туда-сюда, а потом с боязливым любопытством на меня. Меня это тоже выводило из себя, и я позволила себе маленькую пакость, нарочно подольше задерживаясь в горячих, наполненных сплошным паром комнатах для прогрева, понимая, как должно быть неприятно находиться там одетому Иносласу. Глупость и ребячество, конечно, но это не волновало меня.

В комнате отдыха после всех процедур нам подали теплое питье, какого я не пробовала прежде, и оставили в одиночестве. Станный напиток насыщенного розового цвета, кисловатый и немного терпкий, очень освежал. Главный руниг раскраснелся, как и я, и, скорее всего, не отказался бы тоже вымыться, но сидел с каменным лицом, демонстрируя, что ему, пока он при исполнении, не до примитивных потребностей и простых телесных радостей. Я бы напомнила ему, что нам и дальше ехать в одном экипаже, но решила промолчать. С него станет ответить какой-нибудь гадостью, и все мое немного воспрывшее после мытья настроение развеется.

К моменту, когда мы покинули салон крессы Бронрунны, оказалось, что наш замызганный экипаж отмыт до блеска, несмотря на мороз, позади него стоит запряженная парой низких крепконогих коняг повозка с множеством сундуков, и пристроилась еще одна закрытая карета, с символом Пресветлой Даиг на дверце, что выдавало ее принадлежность храму.

– Естественно, мы берем с собой жреца и двух свидетелей, граждан Гелиизена, не состоящих на службе у правителя, дабы ваш брак с онором Бора был заключен и подтвержден законным образом не только по их обычаям, но и по нашим, кресса Греймунна, – сообщил Инослас, перехватив мой взгляд. – А заодно еще прихватываем кучу всякого, безусловно, необходимого для женщины вашего сословия барахла, да кое-что в качестве приданного, хотя ваш жених и заявлял, что не нуждается в таком с нашей стороны. Но какую-никакую племянницу правителя все же отдаем, надо же соблюсти хоть видимость приличий, верно?

Ну как бы он не ткнул острой палкой в больное место!

– Смотрите, как бы не пришлось спешно тащить все это, своих свидетелей и эту племянницу обратно, когда этот самый онор поймет, что вы ему подсунули, и захочет оторвать

головы, – мрачно усмехнулась я, вырывая у рунига свой локоть и самостоятельно забираясь в экипаж.

– Волнуетесь наконец в какой-то мере за окружающих, кресса Греймунна? – издевательским шепотом спросил Инослас. – Тогда не раздвигайте перед ним свои роскошные бедра до свадьбы, а можете поломаться какое-то время и после, и тогда невинные в ваших собственных прегрешениях и не пострадают.

– Если мое мнение в данном вопросе будет учитываться, то вашему онору Бора никогда не случится конsummировать этот брак, – процедила я сквозь зубы, оборачиваясь слоями меха заново.

– А если бы мне платили монету за каждый раз, когда я слышу подобное от женщины, а потом еще одну за то, что она сию клятву нарушает, я бы стал богатейшим человеком в государстве, – без всякого выражения отмахнулся руниг.

– Мечтаете об обогащении, а на этой службе добиться этого не выходит, и поэтому вы такой злобный и ненавидите почти всех вокруг? – Вот промолчать бы мне, но куда уж там!

Инослас угрожающе подался вперед, заставив меня выпрямиться и вжаться в спинку лавки за спиной, и уставился мне в глаза не моргая, будто пронизывая насквозь и добираясь до самых скрытых глубин.

– Поверьте, кресса Греймунна, вы не захотели бы на самом деле узнать, о чем я мечтаю большую часть времени, что провожу в вашем обществе, – произнес он медленно, давая мне не только услышать, но и прочувствовать кожей и похолодевшим позвоночником каждое слово.

– Какими бы ни были эти ваши желания, в отношении меня они никогда не сбудутся, что не может меня не радовать в свете наших «теплых» отношений. – Мне понадобилось несколько вдохов, чтобы отмереть под его гипнотизирующим змеиным взглядом.

– А вот здесь у нас с вами впервые удивительное совпадение мнений, – таким же стремительным движением он отвернулся к окну.

С того момента и до самой границы мы не сказали друг другу и десяти слов, глядя каждый в свое окно. Ну я уж точно. Ночью пошел мелкий, похожий на крупу снег, и настроение у моего конвоира окончательно испортилось. Он то и дело ударял кулаком в стенку кареты над своей головой, требуя ускориться, и трести стало просто ужасно, так что даже о прежней дреме в пути оставалось только сожалеть. Тут бы не слететь со своего места на очередном ухабе.

Границы мы достигли где-то во второй половине следующего дня, и последние полсутки никаких остановок, кроме как по острой нужде, не делали. Я уже и сама начала сильно нервничать, ведь Бора тогда сказал, что станет ждать до тех пор, пока в Гелиизене не ляжет снег, а сейчас белый покров был почти повсюду, лишь всякие кочки и мелкие возвышенности оставались свободными от него. Значит ли это, что больше прежние условия не в силе, и мы рискуем явиться незваными визитерами, а не долгожданнами гостями. Хотя гостями можно считать тут всех, кроме меня.

Пугала ли меня перспектива оказаться уже непригодной в качестве невесты едва знакомому варвару? Нет, не особенно. Гораздо сильнее пугали возможные последствия опоздания для Гелиизена и то, как со мной могли обойтись как с особой, лишенной официального статуса суженой. Одному шарааку известно, что за обычаи у аниров на этот счет.

Остановка была настолько резкой, что я таки полетела вперед, благо множество слоев одежды и мягкое одеяло спасли меня от серьезных ушибов. Снаружи тревожно заржали и зафыркали лошади, кто-то засвистел. Инослас резким движением усадил меня на место, кратко глянув в лицо, и быстро покинул экипаж.

– Кресса Греймунна, невеста онора Бора из Гелиизена, ее сопровождающие и скарб! – громко прокричал он, хотя никого спрашивающего его о том, кто мы, я не расслышала.

Несколько секунд снаружи царила пугающая тишина, а в мое окошко ничего не удавалось увидеть из-за широкой спины рунига, закрывавшей весь вид.

– Вы опоздали! – рявкнул кто-то в ответ, и дружелюбием в его тоне и не пахло.

– По сути – нет, – возразил Инослас и указал куда-то назад: – Пока нельзя сказать, что снег укрыл землю Гелиизена!

– Снег есть снег! – еще раздраженнее ответил грубый незнакомый голос, точно не принадлежавший моему будущему супругу. Но я ведь и не ожидала, что он станет ночей не спать и дежурить на границе, меня ожидаючи. – Убирайтесь обратно!

– Эй, не спеши их отсылать, Атир! – возразил ему новый, более звонкий голос, у чьего обладателя настроение было явно получше. – Мы все в курсе, как ты любишь свою сестрицу, но ни ей, ни тебе не пойдет на пользу, если ты самовольно развернешь избранницу предводителя.

– Тоже мне... избранница, – тихо проворчал первый. – Своих девок ему мало показалось... гелиизенскую пигалицу подавай. В любом случае я уже отослал к нему гонца с сообщением, что его теплолюбивая раскрасавица не прибыла в назначенный срок.

– Что же, тем самым вы ввели в заблуждение своего правителя, и это стоит немедленно исправить, – невозмутимым тоном вмешался Инослас. – А также вам следует как можно скорее позаботиться об устройстве крессы Греймунны и сопровождающих ли...

– Не умничай мне тут! – рявкнул неприветливый чужак. – На границе я сейчас хозяин! Девку пропущу и гонца еще одного отправлю, но все остальные проваливайте, откуда пришли!

– Кресса Греймунна не может передвигаться без необходимых вещей и охраны, положенных особе с ее статусом! – повысил голос руниг. – И где, собственно, вы намерены принудить ее ждать ответа на ваше послание?

– В общей казарме, другого жилья здесь нет, горластый! – с насмешкой ответил незнакомец.

– Избранницу своего предводителя?! Племянницу правителя Гелиизена и носительницу королевской крови Рунаэ? Вы в своем уме?

– Правда, Атир, ты не перегибай! – влез добродушный.

– А ты мне не указывай, мальчишка! – рыкнул мрачный встречающий и помолчал немного. – Ладно, проезжает эта ваша кресса с самым необходимым и один сопровождающий. Остальные ждут ответа от Бора. Надеюсь, что он уже достаточно одумался и скажет то же, что и я – убирайтесь в свой Гелиизен.

Инослас не стал больше спорить и через пару минут, негромко переговорив с остальными нашими спутниками, вернулся в экипаж, но прежде чем успел закрыть дверцу, ее дернули, распахивая шире, и внутрь наглым образом просунулась светловолосая голова.

– Приветствую вас в землях Аргаста, кресса Греймунна! – совсем не тихо сказал парень лет семнадцати, без всякого стеснения взявшийся разглядывать меня как странную диковинку. Я же уставилась в ответ, отмечая очень насыщенный голубой оттенок глаз, жестковатые, но правильные черты, отсутствие бороды и то, что, несмотря на окружающий холод, одет он был всего лишь в длинную безрукавку из коричневого короткого меха, под которой белела рубаша из грубоватого полотна и легкие на вид свободные штаны, тогда как я куталась во множество слоев и все равно не ощущала себя в тепле.

Под моим встречным изучающим взглядом парень вдруг покраснел, нахальное выражение с него слетело, и он отвел свои яркие глаза.

– Меня зовут Ронра, и теперь я ваш возничий, – пробормотал он и исчез, а я почему-то подумала, что еще у онора Бора заметила эту интенсивную окраску радужки. У большинства жителей Гелиизена тоже были голубые глаза, но нормальных, скорее уж бледных оттенков. Это у меня из-за смещения кровей с темноглазыми рунаэсками они вышли темно-синими, едва ли не черными.

– Потрудитесь не пялиться столь откровенно на любую появившуюся в поле зрения мужскую особь, кресса Греймунна, – процедил Инослас, пряча в складках одежды выхваченный

кинжал. – Мы ведь понятия не имеем, не сочтут ли местные это приглашением к еще более фривольному поведению.

– Не приписывайте другим своих порочных мыслей, – гадко уколола я, про себя, однако, признавая его правоту.

– Снова хотите завести разговор о моих мыслях и желаниях?

– Совсем нет.

– И правильно, неподходящее время, – рассеянно кивнул он, явно занятый размышлениями о чем-то другом, и буквально прилип к своему окну, а я сочла за благо последовать его примеру.

Лишь краем глаза успела зацепить огромные фигуры десяти верховых аниров и их здоровенных коней, что остались позади, и дальше моему взору стала открываться местность, весьма мало похожая на обжитые края или даже природу моей родины.

Дорога шла сначала среди высокого кустарника и молодой поросли, но вскоре этот пейзаж сменился на большие, раскидистые, далеко отстоящие друг от друга деревья, под кроной каждого легко бы расположилось полсотни человек в жаркий летний денек. Снега на земле и ветвях будто стремительно становилось больше с каждой минутой продвижения, да и с неба он начал валить частыми пушистыми хлопьями, напоминающими легковесные перья фарры, наполнявшие мои перины и подушки в отцовском доме... О, Даиг, таких сравнений теперь лучше избегать.

Спустя еще время все опять стало меняться. Древесные исполины исчезли, и им на смену пришел настоящий дремучий лес. Деревьев было так много и стояли они так густо, что создавалось впечатление: сразу за пределами расчищенной полосы дороги наступали сумерки. Ведь, несмотря на зиму, они оставались зелеными. Сочная, насыщенная зелень из-под снежной белизны – это так необычно и... красиво. Но гулять в такой чашобе – бр-р-р, так и чудится, что откуда-то должно выскочить клыкастое чудище. То ли дело прозрачные насквозь, редкие рощицы Гелиизена.

Ничего живого снаружи не было видно, и мне уже почти наскучило пялиться на сплошной строй леса, когда тот резко расступился, являя нам довольно обширную расчищенную площадь, и вот здесь жизнь кипела.

Десятки и десятки поражающих своими габаритами мужчин-аниров занимались всевозможными делами: чистили и расчесывали своих гигантских лошадей и перебирали сбрую, возились с оружием, носили дрова и ведра, очевидно, с водой и делали еще что-то, что рассмотреть я уже не успела из-за резкого окрика Иносласа.

– Кресса Греймунна, потрудитесь закрыть рот и сесть так, чтобы ваши голодные взгляды не успел разглядеть каждый местный... жеребец, – Пресветлая, он не устает быть таким отвратительным?

Даже отвечать не стала, все равно в том, что касается словесных пикировок и оскорблений, он однозначно был готов зайти намного дальше меня, и именно я буду той, кого заденет. Просто чуть отстранилась от окошка, но пялиться не перестала.

Аниры сразу же отвлекались от своих дел, заметив наш экипаж, с любопытством изучали, приветственно кричали и махали нашему юному возничему. Какие же они все-таки мощные, даже при беглом взгляде источают какую-то примитивную силу, и дело не во всех этих мускулах. Не совсем в них. Нечто другое. Это как смотреть на спокойную гладь реки в погожий денек и понимать: случись ненастье, и эта мирная шелковая лента обратится в бушующую яростную стихию, неукротимый поток, что будет крушить жалкие баржи и лодки, сносить мосты, смывать целые поселения, уничтожать с непостижимой легкостью все, что мы, люди, строим и считаем надежным. Ничего удивительного, что эти жуткие варвары разнесли в пух и прах армию Гелиизена. Ну что может человек, со всем своим умом и достижениями, против сил

природы? Мужчины снаружи не были солдатами, как те, что служили нашему правителю, нет. Это были... воины.

Мы быстро миновали несколько длинных одноэтажных строений, сложенных из цельных круглых стволов очень впечатляющего диаметра и, проехав немного, остановились еще перед одним домом. Дверца экипажа распахнулась, едва тот успел прекратить движение.

– Милости прошу в приграничный гостевой дом, кресса Греймунна! – радостно выкрикнул раздумавшийся Ронра и протянул мне чуть дрогнувшую руку, но главный руниг, естественно, опередил меня, вышел первым, ненавязчиво, но однозначно оттесняя парня и предлагая мне свою помощь.

На мгновение появился импульс проигнорировать его затянутую в перчатку конечность и демонстративно выпрыгнуть самой, но я одумалась. Стоит ли сразу показывать посторонним наши разногласия и взаимную неприязнь? Вряд ли. Инослас – гад, без сомнения, но гад свой, знакомый, а здесь я знать никого не знаю.

Мы оказались стоящими перед настоящим небольшим особняком в два этажа, и мои глаза опять распахнулись в удивлении и восхищении. Он был так же, как предыдущие здания, сложен из гладких золотистых идеально ровных бревен, которые я едва ли смогла бы обхватить руками, но кроме этого повсюду присутствовала еще и великолепная рельефная резьба. Даиг, у этого мастера были волшебные руки и наверняка бесконечное терпение! Люди в разных позах и ситуациях, известные мне и совершенно невозможные животные, растения, причудливая вязь знаков, наводящая на мысли о чуждом письме – все это покрывало всю доступную взгляду поверхность словно пропитанного ярким солнечным светом дерева. А еще в этом гостевом доме были большие окна с настоящими, очень качественными стеклами. Надо сказать, стекло в принципе, а хорошее особенно, являлось очень недешевым удовольствием в Гелиизене. Простолюдины не могли себе позволить такой роскоши. Впрочем, это лишний раз подтверждало бытующий давно слух, что Аргаст – крайне богатое государство, что и побудило Окнерда Пятого решиться на свой идиотский захватнический вояж.

– Пойдемте внутрь, вам, должно быть, снаружи холодно, – отвлек меня от замороженного любования искусной работой резчика наш молоденький сопровождающий. – Гостей тут уже не ждали и не топлено, но я вам сейчас мигом организую тепло, уют и еду.

Заведя нас в большую комнату с длинным столом, тяжелыми стульями и несколькими креслами, покрытыми темными косматыми шкурами, Ронра умчался. Инослас указал мне на посадочные места, но я уже с лихвой насиделась за время пути и принялась ходить и выглядывать в окна и приоткрывать остальные двери. На улице никакого движения не наблюдалось, а все остальные комнаты оказались отдельными спальнями.

Ронра то и дело возвращался, заноса то дрова, то какие-то припасы, то сундуки из нашего экипажа. Парнишка был точно ветер – быстрый и неутомимый и явно страшно любопытный, но сдерживался и не позволял себе ненужной болтовни и излишне пристального разглядывания, пока разжигал просто монстрообразного размера печь, занимавшую половину одной из стен этой гостиной, носил ведра с водой и выставлял на стол какие-то продукты. А вот меня начало клонить в сон и тем сильнее, чем теплее становилось в помещении.

Ела я уже с трудом удерживая глаза открытыми и мало понимая что, но было вкусно, и сразу же отправилась в одну из спален, по совету Ронра ту самую, что соседствовала с печью, и уснула как убитая, едва сбросив верхнюю одежду и вытянувшись за столько дней нормально, во весь рост на божественно мягком. Блаженство!

Разбудили меня, понятия не имею, сколько времени спустя, сердитые мужские голоса.

– Да ты в своем ли уме дорогу мне заступать, меринг ошалевший! – громыхнул первый, и мое сердце моментально заколотилось в бешеном темпе, потому что безошибочно признала надменный тон и густое звучание тембра онора Бора.

– Я могу принести свои извинения вам столько раз, сколько потребуется, но войти в спальню крессы Греймунны, когда она одна и не одета должным образом, не позволю, – ответил Инослас своим обычным невозмутимым тоном. – Я для того и послан моим правителем, дабы проследить за тем, чтобы все формальности были соблюдены и брак оказался заключен на всех законных основаниях, а вовсе не для того, чтобы передать гелиизенскую аристократку вам для утех как продажную девку.

– Ты здесь, потому что твой правитель – самонадеянный дурак, попытавшийся откусить кусок себе не по зубам, и за это расплачивается. Девушка за этой дверью – давно моя собственность, и только мне решать, как, когда и с какими формальностями я возьму то, что и так уже мое! – Бора не кричал и даже голос не повышал, но мне показалось, что оконные стекла стали позвякивать, а окружающий воздух сгустился.

Глава 6

– Не уполномочен вступать в споры по поводу личных качеств и стратегических решений моего правителя, онор Бора, но позвольте осмелиться вам заметить, что делать столь пренебрежительные заявления в отношении юной особы за этой дверью – далеко не лучший способ наладить с ней в будущем сносные отношения, учитывая характер крессы Греймунны.

Странный звук, низкий, раскатистый, но не громкий, едва ли на грани слышимости, но от этого не менее мощный, проник сквозь разделяющую меня и мужчин деревянную преграду, вызвав незнакомый трепет, опознать чью природу мне было не под силу. Страх ли это? Нечто совсем иное, названия чему не знала пока? Или знала, ибо больше всего это напоминало какое-то нездоровое предвкушение, пробуждающее во мне необъяснимую воинственность? В ином случае почему же я уже на ногах, вся напряженная, стояла под дверью, сжимая кулаки, готовая броситься вперед... для чего?

– Мое пренебрежение адресовано исключительно мужчине, чьи заносчивость и скудоумие толкнули его на попытку протянуть руки к чужому, а трусость и неспособность отвечать в полной мере за последствия своих решений вылились в то, что сейчас вынужденно называться расплатой... а могло изначально быть чем-то другим, – под конец фразы почудилось, что раздражение анира заметно поутихло, сменившись скорее уж досадой, и продолжил он почти спокойно: – Хочу ее видеть. Немедленно.

Последовали тяжелые отдаляющиеся шаги и скрип половиц, и спустя полминуты Инослас постучал.

– Кресса Греймунна, мне нужно войти к вам.

Сразу распахнула дверь, и когда столкнулась с ним взглядом, на миг мне показалось, что заметила нечто похожее на неловкость в глазах главного рунига от понимания, что я наверняка уловила все до последнего слова. Но потом он перевел взгляд куда-то мне за плечо, избегая прямого визуального контакта, и шагнул в комнату, бесцеремонно тесня меня внутрь.

– Вы хоть немного задумываетесь о том, во что способна вылиться эта передача меня ему, причем для всего Гелиизена? – прошептала я, представляя, каким оскорблением может счесть онор Бора утрату моей невинности. – Или единственное, что для вас важно, – это дотошное исполнение приказа, а последствия не ваша проблема?

– Не вам о подобном упоминать, девушка, – так же тихим шепотом ответил Инослас, наклоняясь к самому моему уху. – По крайней мере, я точно знаю, что первоначальная договоренность между правителями соблюдена, прямого повода для военного конфликта на данный момент не существует, а неприятный сюрприз, что вы припасли для этого анира, является проблемой сугубо личного характера, но никак не межгосударственной. Поэтому, кресса Греймунна, будьте любезны прикусить свой острый и длинный язычок, держать способные втянуть вас в неприятности ручки при себе, а ноги – плотно сдвинутыми ближайшее время, и очень может статься, что все обернется не так уж и катастрофично для всех и вас в частности.

Я вышла вслед за ним в уже жарко натопленную гостиную и увидела онора Бора сидящим во главе длинного стола из гладковыструганных досок. То, что он не стоял в полный рост, никак не скрадывало, не уменьшало очевидности, насколько громадным был этот пугающий мужчина. Первыми мне в глаза почему-то бросились его напряженно сцепленные между собой, лежащие на столешнице здоровенные ручищи. Широкие ладони, крепкие пальцы с аккуратно остриженными ногтями, набитые красноватые костяшки, отчетливо просматривающиеся под кожей толстые вены, перебегающие на мощные запястья, открытые задравшимися рукавами простой белой рубахи редкие золотистые волоски на тыльной стороне... На мгновение меня накрыло видением, как эта мощная конечность, с жадно растопыренными в собственническом жесте пальцами, накрывает целиком мой трепещущий обнаженный живот, и я вздрогнула всем

телом. Откуда это? Мне негде было увидеть такое, Алмер тоже так не делал, но почему же это показалось отчетливым, как вспышка праздничного фейерверка на сплошной черной глади ночного неба?

Качнув головой, скользнула взглядом по светлой ткани, натянувшейся на его бицепсах и плечах, несмотря на свободный покрой, и, наконец, остановилась на лице, все еще уклоняясь от прямого столкновения с его пронзительно голубыми глазами, что опять заставили бы сердце тоскливо сжаться напоминанием впечатлений родом из беззаботного детства о прекрасном, но жутко опасном цветке идриса. Интересно, а здесь он растет?

– Ты плохо выглядишь, маленькая Ликоли, – не скрывая раздражения, проворчал мой будущий супруг. – Почему?

Кончик языка засвербел огрызнуться, указав, что ему стоило бы поработать над своей способностью верно приветствовать женщину и делать ей комплименты, невзирая на реальный внешний вид, но предупреждающее косое зыркание Иносласа заставило его прикусить. Я просто уставилась прямо на Бора, отмечая, что в этот раз его щеки покрывала совсем короткая, одно-двухдневная щетина, в отличие от прежней короткой бороды, отчего линия подбородка выглядела даже жестче и мужественнее, зато свободно рассыпанные по плечам волосы, похоже, стали длиннее, более темные у корней и почти совсем выгоревшие на чуть выющихся концах. На переносице и под левым глазом появились две белесых тонких полоски – шрамы, которых я не помнила при первой встрече, а нижняя губа справа была чуть припухшей и с пятнышком запекшейся под тонкой кожей крови. Едва мои глаза замерли на этом повреждении, уголок рта анира дернулся так же, как и кадык, снова непонятным образом смешивая мои мысли импульсом не поддающихся анализу ощущений, и собственное горло пересохло.

– Дорога была долгой и изнурительной для крессы Греймунны, – поспешил ответить за меня руниг, чуть ли не насильно усаживая за противоположный край стола на максимальном удалении от Бора. – А встречу на границе вряд ли можно было назвать радушной и той, которой заслуживает аристократка и тем более нареченная правителя государства.

– Я достаточно уже слушал тебя, – не отрывая от меня глаз, буркнул Иносласу онор Бора. – Если захочу этого снова, то и обращусь к тебе. Ответь мне, Ликоли, хорошо ли ты себя чувствуешь?

– Спасибо, со мной все прекрасно! – ответила немного поспешно, и вышло это неожиданно хрипло, словно я перед этим вечность не пользовалась своим голосом.

Бора почему-то рвано вдохнул и вдруг прикрыл глаза, склоняя голову набок, будто не хотел упустить ни единого произнесенного мной звука.

– Хорошо, – еле слышно пробормотал он, непонятно что имея в виду.

– Хорошо? – разрушил момент Инослас. – Что хорошего в том, что вместо приветствия девушке велели убираться прочь, дав понять, что на ее место уже есть претендентка, и попытались напугать подселением в общую казарму с солдатней?

Вот теперь с недовольством на главного рунига зыркнул не только онор Бора, но и я. Какого шараака он испытывал его терпение, да еще и донес о том инциденте на границе? Такое чувство, что это он сам девица, чья гордость должна быть уязвлена практически прямым упоминанием о другой женщине в жизни ее будущего супруга. Я, может, и оказалась глупой и наивной в некоторых аспектах, но знала о наличии фавориток у того же правителя и любовниц у аристократов. И это в Гелиизене, где подобные вещи не приветствовались открыто, что же говорить о местных варварах? В конце концов, наш брак, ежели ему и суждено случиться, – союз сугубо политический и вынужденный, а вовсе не слияние двух любящих сердец, в которое я теперь в принципе не верю. И если у онора Бора есть любовница или сотня – мне же лучше, меньше придется терпеть его внимание определенного рода, а основываясь на прежнем опыте, это равносильно более редким мучениям. И если уж быть до конца честной, то у меня скреблась трусливая мыслишка-надежда, что он таки решит отказаться от меня, и тогда

можно будет вернуться на родину. Никаких радужных перспектив, но все же, любые лишения в родном краю представляются не столь страшными, чем в стране, где ты не знаешь ни единой живой души и понятия не имеешь об обычаях и окружающих опасностях.

– Претендентка? – озадаченно нахмурился анир, вроде как вовсе не понимая смысла этого слова. – Общая казарма?

– Возможно, это было некое проявление юмора, которое мы были не в силах оценить, устав с дороги, – вмешалась я.

Вот не хватало еще начать свою жизнь на чужбине, спровоцировав правителя на проявление жестокости к своим воинам, наябедничав из-за какой-то ерунды. Такие вещи помнят ой как долго, а дополнительные враги прямо с порога мне ни к чему.

– Я разберусь, – продолжил хмуриться Бора. – Но сейчас я хочу знать, готова ли ты, Ликоли, разделить со мной первую трапезу и отправиться дальше? Дорогу замечает, и экипаж будет двигаться очень медленно, но мы можем поехать вместе верхом. Обещаю не дать тебе замерзнуть.

Я глянула в окно и действительно убедилась, что там валит снег, да такой обильный, какого мне никогда видеть не случалось.

– Разумно ли передвигаться в такую метель, да еще если нужно пробираться через лесную чащу?

– Метель? Разве это метель? – анир неожиданно улыбнулся, словно я была неразумным дитятем, развеселившим его. Его лицо при этом радикально изменилось, вокруг глаз множественными лучами разошлись морщинки, обнажилась полоска поразительно белоснежных зубов, практически идеальных, если бы не небольшой скол на одном верхнем, но удивительным образом именно этот маленький изъян приковал мое внимание, почему-то порождая мысль о его... ну не такой уж и чуждости, что ли. – Если тебя так уж пугает этот реденький лесочек, то я спрячу тебя под плащом и доведу в целости и сохранности до дома. Уж поверь, рядом со мной тебе ничего не угрожает в этой «страшной лесной чаще». Вообще нигде.

В его голосе прозвучало скорее уж веселье, не насмешка, но все равно я ощутила себя задетой.

– Смею заметить вам, онор Бора, что сама прекрасно держусь в седле, и если уж так необходимо выезжать в такую погоду, то я вполне готова, и в том, чтобы меня оберегали и где-то прятали, не нуждаюсь.

– Кресса Греймунна, – тихо процедил сквозь зубы Инослас.

– Тебе, – сказал анир, снова склонив голову и глядя на меня как на нечто забавное и крайне любопытное, и пусть губы его уже не улыбались, смешливые морщинки вокруг глаз никуда не исчезли и непонятным образом задевали и смущали меня.

– Что?

– Не «выкай» мне. Зови по имени. И в твоём мастерстве наездницы я имел возможность убедиться: ты едва мне сердце не остановила, почти въехав в зад моему Тиславу, – по его тону совершенно не было понятно, пытается он уколоть меня напоминанием о том происшествии или на самом деле признает, что справилась я неплохо, хоть сама и спровоцировала опасную ситуацию. – Хочешь ехать сама – пожалуйста, но вот речи о том, что оберегать тебя не нужно, даже не заводи. Зачем иначе женщине муж, если не беречь и не прятать от любых невзгод?

Я не успела ничего ответить, как распахнулась входная дверь, впуская раздумавшегося Ронра вместе с порывом холодного воздуха и целым облаком снежинок.

– Завтрак готов, отец! – возвестил он с порога.

– Ну так неси его нам, сынок, – онор Бора снова разулыбался парнишке, но в этот раз совсем по-иному, открыто и очень-очень тепло. – И пригласи кресса Иносласа с собой поест с остальными.

Ну надо же, главному рунигу вежливо, но настойчиво давали пинка под зад. С одной стороны, я злорадствовала, заметив сдерживаемый гнев в его глазах, с другой – реально оробела от перспективы остаться с огромным аниром наедине.

– Вынужден напомнить, что пребывание без свидетелей на данном этапе ваших отношений не соответствует нормам необходимых приличий, и настаиваю на моем дальнейшем присутствии, – отчеканил Инослас, и все мужчины застыли.

Юный Ронра стрелял своими яркими глазами с меня на Бора и Иносласа, кажется, не совсем понимая сути сказанного рунигом, сам же старший анир мгновенно помрачнел и даже разъярился, учитывая легкое подрагивание его верхней губы и правой щеки, и медленно поднялся из-за стола, заставляя мое сердце зайти в тревожной чечетке от очередного осознания, насколько же он огромный.

– А что ты сможешь сделать, вдруг чего, свидетель? – с уничтожающей насмешкой спросил он Иносласа. – И кому же ты так не доверяешь? Думаешь, я брошусь на собственную невесту, как одуревший во время гона безмозглый бохиль, или что маленькая Ликоли кинется соблазнять меня, едва ты выйдешь за порог? Кто из нас двоих не в состоянии остаться без твоего присмотра, дабы сохранить лицо цивилизованного создания?

– Дело не в доверии, – пробурчал руниг, – а в приличиях.

– Дело всегда в доверии, приличия – ничто! – припечатал анир и указал на дверь: – Иди, я хочу спокойно поесть в обществе девушки, которую и так ждал слишком долго. Не испытывай мое терпение и дальше.

– Помните, что я вам сказал, кресса Греймунна, – прошептал Инослас, прожигая меня глазами, прежде чем направиться на выход.

– Боишься меня? – без обиняков спросил онор Бора, только за рунигом и Ронра закрылась дверь, и я вздрогнула от нового порыва ледяного сквозняка. – Вернуть его?

Я хотела ответить с идеальной смесью гордости и вежливости, что о страхе речи не идет, что было бы, естественно, ложью, но слова вырвались из меня словно сами собой.

– Конечно боюсь, только взгляни на себя... ты ведь просто огромен.

Анир неожиданно запрокинул голову и громко расхохотался, выходя из-за стола совсем, еще больше расправляя свои широченные плечи, и раскинул бугрящиеся мускулами руки, явно нарочно демонстрируя себя мне во всей шокирующей мощи.

– Смотри, смотри на меня, сладкая моя Ликоли! – продолжая веселиться, сказал он. – Смотри и запоминай, что ничто во мне не несет тебе угрозы. Как бы силен и огромен я ни был – все это создано служить твоей защите и удовольствию, и привыкай не бояться меня никогда.

– На это уйдет некоторое время, – ответила тихо, приказывая себе перестать пялиться на красующегося передо мной анира, но не в силах пока отвести глаз. Он был как пожар, пугающий и повергающий в шок, но отвернуться от этого полыхания невозможно.

– У нас полно времени, – Бора стремительно шагнул ко мне, и как бы я хорошо ни держалась, не вжаться в спинку стула не вышло.

Опять нахмурившись, мужчина вдруг опустил на корточки передо мной, создавая прямой визуальный контакт, и протянул огромную ладонь, предлагая вложить в нее свою. Трусью не трусь, а отказа его жест явно не допускал, и я аккуратно коснулась чужой очень горячей кожи, стараясь скрыть дрожь руки. Бора тут же сжал мою конечность, мягко, но так, что точно не вырваться, потянул к себе и, наклонив голову, прижался носом к изгибу запястья, как тогда в главном зале дворца, и глубоко вдохнул, издав раскатистый звук, напоминающий мурлыканье. Моя кожа вспыхнула, от места прикосновения хлынули сразу два невидимых потока: один ледяной, другой обжигающий. Они заставили задрожать все внутри от сменявшей друг друга контрастности и странно зазудеть кожу от макушки и до кончиков пальцев, и я даже не могла понять, приятно это или, наоборот, отталкивающе. Слишком новые и ошеломляющие ощущения, и я замерла, вслушиваясь и постигая их.

Но онор Бора вдохнул еще раз и еще, гораздо резче, и его брови стремительно сошлись на переносице, верхняя губа задралась, открывая самый натуральный оскал, а пальцы стиснули мою кисть с такой силой, что я вскрикнула от боли. Мурлыканье моментально преобразилось в тот самый пронзающий глухой рокочущий звук, будящий примитивный страх и жажду обороняться, а ярко-голубые глаза потемнели до предгрозовой сини, уставившись в мои с открытой яростью.

– Как ты посмела?! – прорычал он, вскакивая и отбрасывая мою руку, как ядовитую змею. – Кому ты отдала то, что должно было стать моим?

Ну вот сейчас все и закончится.

– Не могу припомнить, чтобы у меня было хоть что-то, обещанное вам! – Пресветлая, мужчина передо мной был воплощением гнева, и весь он направлен на меня, а я боялась отчаянно, до безумия, желая защититься любым образом, пусть и отчетливо понимала, что не обладаю ничем, что могу противопоставить ему.

– Ты вся! Такая, какой являлась при нашей встрече, вот что давно уже мое!

– Я никогда с этим не соглашалась!

– Метка! Ты сама ее оставила!

– Не нужно притворяться, будто вы, онор Бора, целиком и полностью не спровоцировали меня на это! Мне были незнакомы ваши обычаи, и мое сердце... – «было по глупости отдано другому, несколько этого недостойному», но вслух произнести это не нашлось сил.

Но, похоже, он меня и не желал услышать вообще, абсолютно поглощенный своей яростью.

– Знаешь, что в моей стране принято делать с предательницами и изменницами? – наклонился анир ко мне, очерчиваясь совершенно жутко, вынуждая окончательно проникнуться фактом собственной незащитности перед ним. – Мужчина лишает такую женщину своей защиты и покровительства, вышвыривает вон, объявляя во всеуслышание, что она шлюха, доступная всем и каждому. Никто не впустит ее в свой дом, не спрячет и не прикроет от мужчин, что станут охотиться на нее, словно на дичь, и брать столько, сколько им заблагорассудится!

– Выходит, я попала в страну насильников и настоящих зверей! – в панике огрызнулась я. – А к изменившим мужчинам применяют такие же законы, или эта «счастливая» доля отмерена лишь женщинам?

– Ты смеешь еще и говорить со мной в таком тоне после всего? – прогрохотал он, и глаза его стали совсем безумными. – Вместо того чтобы умолять о прощении?

Рывкнув нечто нечленораздельное, онор Бора схватился за край стоящего рядом со мной тяжеленного стола и кинул его в бревенчатую стену, разбивая на части, как если бы тот был ничтожной безделушкой из тонкого стекла, и рванул к двери.

– Я не признаю себя изменницей! – крикнула ему вслед. – Можете приказать растерзать меня, но умолять простить за то, в чем я не вижу своей вины, не стану!

Дверь грохнула с такой силой, что тут же перекосилась и отвалилась, впуская внутрь пронизывающий до костей ветер и множество беспорядочно выплывающих мохнатых снежинок, а спустя несколько секунд в проеме появился ошарашенный Ронра с огромным блюдом в руках.

– Кресса Греймунна? – Он буквально швырнул свою ношу на стул и метнулся ко мне, бухаясь на колени и заглядывая в лицо, тогда как все мои силы были направлены на то, чтобы усидеть прямо, а не рухнуть и зарыдать от страха и безысходности. – Вам плохо? Отец за целью убежал?

– Что? – потерянно спросила я, плохо понимая смысл слов.

Вся решимость и гордость улетучились без остатка, и я едва не понеслась вслед за Бора, готовая умолять и покупать свою жизнь и безопасность любой ценой. О чем я только думала,

тупая идиотка, разве судьба мало врезала мне за прежнюю опрометчивость, бездумные слова и поступки?

– Как помочь? – Этот мальчишка напоминал встревоженного щенка, бесхитростно глядя на меня бесконечно голубыми глазами, так похожими на те, что только что сжигали меня злобой и презрением и обещали участь хуже смерти.

– Никак, – пробормотала и, поднявшись на трясущихся ногах, пошла в отведенную мне спальню.

Онор Бора умчался объявлять всем и каждому, какая я подлая дрянь и распутная девка? И когда за мной придут, чтобы обойтись именно так, как, по их мнению, заслуживаю? Сейчас же? Через час? С наступлением ночи?

Тело сначала показалось обвисшей бессильной тряпкой, но все растущая паника стремительно влиwała отчаянную жажду действий в кровь. Я не намерена просто сидеть и ждать всех желающих поглумиться надо мной! Я согрешила, полюбив, подвела всех вокруг, виновата со всех сторон, но все равно смиряться не хочу и не буду!

Подойдя к окну, распахнула его и, быстро надев пушистую шубейку из подарков теперь уже бывшего жениха, выбралась наружу, тут же провалившись в снег выше колена. С трудом переставляя ноги, добралась до угла гостевого дома и выглянула на большую площадь, где раньше видела множество аниров и их здоровенных коней. На мою удачу, никого не наблюдалось, очевидно, завтрак проходил у всех в одно время, зато у коновязи, фыркающей и мотая густыми гривами, стояли сразу три оседланных лошади.

Прикинув, где находится дорога, по которой мы сюда прибыли, я зачем-то пригнулась и, нелепо выдергивая ноги из сугробов, как могла споро помчалась к привязанным животным. Выбрав крайнюю серую в яблоках кобылу за то, что она была хоть немного меньше остальных копытных монстров, быстро отвязала и вскарабкалась в седло. Аж дух захватило: сидеть было очень высоко, куда там моему изящному крохе Орегу! Стремена были отрегулированы не под мой рост, седло с дико непривычной и неудобной посадкой, но кому сейчас на это не наплевать?

На первый удар по бокам серая отреагировала только удивленным поворотом головы и косым взглядом «ты, верно, шутишь?». Но я не собиралась сдаваться и с маниакальной настойчивостью стала понукать наглое создание, так что вскоре мы двигались прочь с открытой для любого взора площади. Правда, неспешным шагом, еле-еле, словно она мне одолжение делала, что не устраивало совершенно.

– А ну шевелись давай, ленивая жирная скотина! – рявкнула я ей почти в ухо, подавшись вперед и грубо ударив поводом по шее, а удилами по зубам. Руки бы за такое поотбивала кому угодно в иное время, но выбора нет.

Новый взгляд темно-коричневого глаза, уже явно раздраженный, и вдруг без всякого предупреждения кобыла ринулась вперед, переходя сразу с шага в галоп, да еще и подкидывая на ходу задом с намерением вышибить меня из седла. Не тут-то было, шарааково ты отродье! При всем неудобстве посадки, моего опыта хватило, чтобы усидеть, и мы понеслись вперед. Глаза залепляли снежинки, капюшон слетел и поправлять его не было возможности, все внимание уходило на усилия удержаться на повторяющей подлые трюки норовистой животине. Кто бы заподозрил в этой мохнатой махине такой скандальный нрав! Кажется, кто-то что-то кричал мне вслед, и даже слышался стук копыт, но оглянуться я не могла, чтобы не пропустить очередной финт лошади, что теперь еще и норовила свернуть в чашу и затащить меня под ветки.

Я безжалостно «запиливала» упрямыцу, заставляя двигаться куда мне нужно, одновременно мысленно прося у нее прощения за жестокость, и изо всех сил всматривалась вперед, желая пересечь проклятую границу.

Могли ли аниры преследовать меня и в Гелиизене? Конечно. На что я рассчитывала, устроив этот безумный побег? Понятия не имею, но только сидеть и ждать, когда моя участь будет решена снова за меня, не смогла.

Ноги в сапожках, в которые изрядно набилось снега, заledenели, его же уже полно набилось за воротник, лицо, уши, шея горели и болели, руки без перчаток скрючило, глаза почти ослепли, но я продолжала толкать и толкать под бока ворованную лошадь. Где же эта проклятая граница?

Поменяв посадку, вытянулась, силясь больше увидеть впереди, как вдруг отвлеклась на странную тень, мелькнувшую у дороги, и вспышку искристо-голубого среди сплошной белизны, и хитрая кобыла тут же этим воспользовалась, шарахнувшись влево и врезав моим коленом прямо в ближайший ствол. Истошно заорав, я полетела в снег, встречаясь лбом с низко расположенной веткой. Вот и конец моему побегу. Даиг, пусть мне дадут просто замерзнуть тут!

Глава 7

Мне чудилось какое-то покачивание... ритмично повторяющееся прикосновение чего-то щекочущего и мягкого к щеке и шее... звук немного шумного равномерного дыхания... ворчливое бормотание или даже тихое рычание с намеком на неразборчивую речь... запах чего-то странного, сильного, мускусного и свежего одновременно, совсем не отталкивающего, скорее, вызывающего желание вдыхать еще и еще, стремясь познать оттенки и дать пищу бессознательному почти разуму для опознания. А еще, кажется, я снова видела всполохи ярко-голубого на белоснежном.

– О, Даиг, как же больно! – завопила я, приходя в сознание от того, что кто-то энергично тер мою правую ступню, буквально пытая меня этим.

– Больно – это хорошо! – строго заявил Инослас, опять плеснув на ладони резко пахнущую алкоголем прозрачную жидкость и взявшись за вторую ногу, заставляя меня сжать зубы, чтобы не закричать еще раз. – Какого шараака, кресса Греймунна?! Что это была за дикая выходка с побегом? Мне, казалось, удалось достучаться до вашего разума за время пути, но сейчас вынужден признать, что, может, там не до чего было стучать!

Передо мной в который раз встало искаженное бешенством лицо онора Бора, и в ушах зазвучали жуткие угрозы и незаслуженные обвинения, а взгляд заметался вокруг, прежде чем затуманиться слезами от понимания, что по новой нахожусь в той самой спальне, откуда и совершила попытку своего отчаянного спасения.

– Вы не понимаете! – вышел какой-то сип вместо слов, горло не слушалось и пекло, как после долгого крика, и от этого стало еще горше.

– Вот уж верно, не понимаю! – отрезал главный руниг. – Руки!

Не дожидаясь, пока протяну ледяные ладони, он схватил правую и взялся энергично тереть, а я снова едва не заскулила.

– Онор Бора... он просто ужасен! – не сдержавшись, выпалила хрипло и зажмурила глаза, не в состоянии остановить поливших слез. – Я должна была бежать или умерла бы!

– Что за чушь еще несусветная! У вас что, горячка какая-нибудь нервная? – зашипел на меня Инослас, бросив осторожный взгляд на закрытую дверь. – Вы всех тут на уши подняли! Будущий муж вас на руках тащил из лесу неизвестно сколько! Лоб разбит, колено расшиблено и опухло, руки, ноги, уши чуть не отморожены! Где был ваш разум, кресса Греймунна!

– Никакой не муж! – давя ненавистные жалкие рыдания, рванулась отодвинуться, но едва опять не заорала от всколыхнувшейся боли в голове и прострелившей, как раскаленной иглой, в колене. – Он все узнал! Не будет никакой...

На полуслове меня оборвало появление самого предводителя аниров, мрачного, с сурово сдвинутыми бровями и жестким блеском в глазах, сейчас больше напоминающих подсвеченную изнутри ледяную толщу. Я, мгновенно забыв о боли, стала отползать к стене по широкой кровати, заваленной меховыми одеялами.

– А вот, наконец, и лекарь, – поднялся ему навстречу Инослас, и я действительно увидела еще одного мужчину анира, гораздо ниже ростом, но с такими широкими плечами, что он казался квадратным, и с густой растрепанной бородой.

Бора сухо кивнул на это, зыркнул на меня явно зло, прошел по комнате к окну и встал там, спиной к нам.

– Ну-ка, что тут у нас, крохотуля-нигиль? – скрипучим голосом спросил незнакомец, положив мне грубую ладонь на лоб, и, несмотря на то что все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы отслеживать мой главный страх, неподвижно стоящий у окна, я громко ойкнула, когда узловатые пальцы коснулись огромной шишки на лбу.

Почудилось, что онор Бора слегка вздрогнул от этого звука и широкие плечи чуть поникли. Конечно, почудилось, больше никак.

Целитель продолжил осмотр, натер какой-то жирной мазью с ароматом трав мои ступни, кисти, уши и щеки, потом другой – колено и плотно замотал его. Взял одну из подушек, подложил под ногу так, что тянуть и нудить сразу почти перестало, и все это время я глядела в стену и находилась на грани истерики, желая зарыдать в голос, вопя, за каким шарааком меня лечить? Чтобы потом унижать и терзать здоровую? Так дольше получится?

– Да что же так все плохо-то? – посуровел лекарь и почему-то осуждающе глянул в спину онору Бора. – Полежи тут, сварю-ка я тебе кое-что вкусное да возвращающее улыбку на девичьи губки.

Пресветлая, будто у меня еще когда-то появится шанс улыбнуться!

Бородач ушел, бормоча под нос, и предводитель аниров сразу же обернулся и безмолвно, но с не допускающим и намека на возражение видом указал на выход и главному рунигу. В этот раз тот даже не подумал возразить и сразу оставил меня наедине с чудовищем, что готовилось, очевидно, обрушиться на меня с новым шквалом обвинений или чем-то гораздо хуже. Все внутри сжалось и похолодело, живот скрутило от ожидания самого паршивого поворота дел, мышцы окаменели, сердце заскакало, как бешеное, а по спине выступила холодная испарина.

Бора нависал надо мной некоторое время, пугая все больше и больше, до тех пор, пока у меня уже в глазах темнеть не начало, и не в силах уже это выносить, я вскинула голову, сталкиваясь с ним взглядами. И опешила, потому что ожидаемого чистого гнева там не нашла. Он глядел так, словно испытывал смесь вины и грусти.

– Ты сделала это нарочно? – негромко спросил он, но я все равно вздрогнула.

– Сбежала? – Горло болело все сильнее.

– Отдала себя... сделала своим первым мужчиной другого... нарочно? – покривившись, как от нудящего зуба, анир дернул головой. – Только чтобы не принадлежать мне? Потому что заставил? Так противен?

Я заморгала, не сразу и понимая, что он пытается спросить, а потом решительно мотнула головой, тут же застонав и схватившись обмазанными руками за виски.

– О, Даиг, нет конечно! – немного резче, чем следовало от мучения, причиняемого колыханием и грохотом в черепе, ответила ему. – Я его... любила.

– Любила... – повторил, как эхо, Бора, хотя скорее было похоже на отзвук отдаленного грозового рокота. – И если смогла бы убежать, то к нему вернулась бы?

– Что? – Меня снова пронзило дрожью, но на этот раз не поверхностной, а идущей из самых глубин, переполненной брезгливостью, ужасом и отвращением к себе, слепой безмозгой дуре. – Нет! Ни за что!

Анир глядел на меня пристально, кажется, решая для себя, хотел ли он знать почему, но потом опять дернул головой, чуть выпятив жесткий угловатый подбородок, как если бы перечеркнул и отбросил нечто.

– Тебе следует простить меня, – сказал он совсем не тоном просителя, нет, отдал приказ, смягченный лишь самую малость.

Я же не спросила за что конкретно, только по-прежнему не прерывала нашего визуального контакта, давая понять, что если захочет – сам продолжит.

– Я сказал, что тебе не нужно меня бояться, и обманул, – произнес он отрывисто. – Но такое больше не повторится, или доверия нам никогда не видать. Та злость... Не на тебя она должна быть. И сказанное мною сгоряча – гадко. Этот жестокий обычай – доргаст – я ведь запретил его уже много лет как. – Мужчина покачал головой и потер переносицу, будто недоумевал и досадовал. – И до сего момента никогда не понимал: неужто обманутому с... мужику так сложно совладать со своей мстительностью и жаждой топтать, причинять боль и разрушения... но вот поди ж ты – сам оказался не лучше тех, кого карал за подобное.

– Я не обманывала... – упрямо начала, но он остановил меня взмахом руки.

– Я не обвиняю. Не тебя. Просто благодаря тебе в очередной раз понял, что справедливость и честность не всегда ложатся на душу гладко, когда касаются лично. Иногда они и поперек горла. – Я не открывала рта, ожидая, что будет дальше. – Предлагаю забыть и принять все как есть. Назад возврата нет ни для тебя, ни для меня, пусть и по разным причинам, так что давай уж пойдем вперед и попробуем сделать из того, что имеем, нечто хорошее... или терпимое.

– Значит ли это, что ты не подвергнешь меня тому отвратительному наказанию? – никаких недомолвок, уж точно не в таком вопросе.

– Нет, и никогда бы не стал. То был дурной порыв и за него стыдно. Но впредь прошу тебя – не обмани меня никогда умышленно, не пробуждай того, о чем и сам не подозревал.

– То есть ты не откажешься от меня теперь, когда все знаешь?

– Нет. Не откажусь, не отпущу.

Даже не знаю, что ощутила в тот момент. Облегчение? Крах последней надежды все же вернуться к той жизни, что знала всегда? Но что осталось уже от той жизни? Пожалуй, ничего. У меня был единственный человек на всем свете, к которому хотелось бы вернуться – мой отец, но в качестве кого? Пусть все еще любимой, но посеявшей за собой сплошную череду неудач и унижающих его имя и достоинство поступков дочери? Нет, хватит побегов.

– А как же быть с моей... – Щеки вспыхнули, но отворачиваться я не стала.

– Здесь не Гелиизен, Ликоли! – оборвал Бора меня почти грубо. – Невинность женщины у нас не показатель ее душевной и телесной чистоты или степени распутства. Это тот дар, что она отдает кому захочет или хранит, если такова ее воля. Предательство того, кому уже обещана верность, – вот где непростительный грех. И такого греха у тебя передо мной нет, по здравому размышлению. А мои грезы все это время не есть твое обещание!

Говоря последнюю фразу, анир, однако, сорвался на подобие угрожающего ворчания и губы его кривились, явно сдерживая желание оскалиться.

– Разумно ли тебе оставлять меня, если вызываю гнев? – прямо спросила, набравшись смелости то ли от общей безысходности, то ли от нарастающего кружения в больной голове. – Зачем держать при себе кого-то, кто злит и разочаровывает одним своим видом?

– Мой гнев – моя проблема, а мое разочарование – моя глупость. Проблемы я привык решать, а с глупостью с легкостью справляется опыт. Ты остаешься, Ликоли, – отрезал он.

– В качестве кого?

Бора поднял правую бровь, будто не совсем понял, о чем спрашиваю, и поджал губы с оттенком обиды.

– Я договоров не нарушаю. Лишь надеюсь, что ты пожелаешь быть не только моей супругой и гарантом мира между нашими странами, но и той, кто полюбит.

Ах, нет, а вот этого проклятого, разрушающего и лишаящего ума чувства я надеюсь избегать во веки веков. Насколько безумной нужно быть, чтобы желать пережить еще раз ту боль, что по сей миг не покинула меня, лишь затаилась, спрятавшись за новыми, навалившимися бедами, и наверняка только и ждет момента наброситься исподтишка.

– Разве есть те, кому под силу полюбить, повинаясь собственному желанию? Глупое сердце делает выбор за нас, – усмехнулась я, не сумев сдержать горечи. – Обещать неподвластного тебе я не могу, но не лгать, не предавать и никогда не ударить в спину – клянусь.

– Этого пока достаточно, – кивнул Бора, заметно расслабляясь и даже немного возвращаясь к своей недавней самоуверенности. – А на сердце не пеняй, слушать его не порок. А уж говорить я его заставлю.

Без стука и позволения в комнату вошел бородатый целитель, с большой деревянной кружкой, над которой поднимался едва заметный пар.

– Ты ступай отседова, предводитель, – совершенно непочтительно сказал он. – Крохотуле отдохнуть надо. Успеешь наговориться, голова у нее сейчас и без твоих речей кружится. – Бора забормотал что-то недовольное, но пожилой анир отмахнулся: – Иди уже, себя не томи и ейного охранника не изводи. Он уже чего только не придумал, небось.

Внезапно я почувствовала всю правоту слов лекаря. Перед глазами и правда плыло, кожа горела и замерзала одновременно, а болело просто повсюду. А уж про то, что кресс Инослас нафантазировал о нашем уединении, и говорить нечего.

– Отоспись, Ликоли. Я поблизости буду, – со вздохом сказал Бора и быстро покинул комнату.

– Да уж кто бы сомневался, – фыркнул в усы целитель, поднося кружку к моему рту. – Его с мальства от ликолевого меду было не отогнать, раз чуть не утоп в чане с ним. Эх, знала его бабка, всегда знала...

Что знала, я и подумать не успела. Сонливость навалилась стремительно, я и десяти глотков сладко-пряного питья не успела сделать, как начала проваливаться в забытье.

Я двигалась вдоль огненной стены, которая никак не кончалась. Сначала почти бежала, потом шла, все замедляясь, и под конец устало брела. По другую сторону огненной преграды был Алмер и его проклятая сестра, обнаженные и прикасающиеся друг к другу, вытворяющие нечто, вызывающее у меня отвращение и бесконечную тошноту, насмехающиеся надо мной. Слов было не разобрать, но смысл до меня доходил, и он жег и уязвлял бесконечно. Порченная. Бесплезная. Глупая. Не способная ни на что.

И как бы я ни старалась, уйти от них не получалась, попытки отвернуться не помогали, они снова и снова оказывались передо мной, защищенные огнем. В какой-то момент я стала бросаться на неестественно красное с мертвенно фиолетовыми всполохами пламя, кричать, требовать оставить меня в покое, потом срывала голос, приказывая, прося и, наконец, умоляя объяснить мне, за что вообще все, но ничего не менялось. Кошмар длился и длился, силы покидали меня, ненавистная преграда жгла, заставляя задыхаться от жары, картина за ней терзала и пыталась, но и бежать от нее было некуда. Ведь по другую руку у меня разливался сплошной, непроглядный мрак, ступить в него хоть на шаг было дико страшно – чудилось, что в нем таится нечто огромное, жуткое, только и поджидающее возможности меня поглотить, или просто бездонная бездна, в которую я рухну сразу же.

Окончательно измотанная и опустошенная я остановилась, собираясь шагнуть уже, к шарааку, прямо в пламя и дать ему сжечь меня, ведь в борьбе нет никакого смысла. Но неожиданно среди яростного гудения огня и бесконечно повторяющих издевательства голосов послышался новый звук. Совсем иной, звонкий, чистый, пролившийся прохладой на охватившую меня горячку отчаяния и безысходности. Он шел прямо из той тьмы, что так пугала меня все время, и чем громче становился, тем, казалось, светлее она была.

Голос. Это был чей-то голос, напевающий что-то негромко и монотонно, и мне вдруг захотелось пойти на него, ведь он давал такое облегчение.

Колыбельку ночь качает,
Месяц песню напевает,
Спи малыш, бед не зная,
Пусть к утру твой страх растает.

Сжав кулаки и собрав остаток сил, я рванулась на песню, побежала сломя голову, отринув страх неизвестности, что жестоко схватил за горло.

Как туман в белесой дымке,
Водят хоровод снежинки,
Кружат белой поземкой,
Напевают ей негромко,
Забирая боль с собой,

Навеяла сон-покой.

Ронра. Это был он, я узнала его ломкий голос, наполненный сейчас заботой и беспокойством. К ним я потянулась всем существом, уже не мчась, а буквально взлетая навстречу разгоняющему жестокою тьму свечению и распахнула глаза, уставившись на парня.

За окошком ветер-скрипка,
На устах дрожит улыбка,
Сон твой сладок... без тревог...
Спи, наш маленький цветок.

Продолжил напевать он практически себе под нос, не замечая моего пробуждения. Горло пересохло, смотреть было больно, голова налита неподъемной тяжестью, но я чувствовала себя неожиданно обновленной.

Ронра завел свою замечательную песенку заново, и, повинуясь ему, я опять уснула, но теперь сны мои были легкими, воздушными, наполненными светом от необычайно крупных и ярких звезд на вроде бы черном, но совсем не пугающем этим небе, кружением снежинок, что не охладили обнаженную кожу, а вместо этого постепенно обращались в ярко-синие цветы, подставляющие свои нежные лепестки под солнечные лучи. Целое море сверкания, цвета, тепла и комфорта, и я в нем купалась, не боясь больше идти в любом направлении.

Причиной следующего пробуждения было ворчание целителя, принесшего новую порцию горячего питья и высказывающего недовольство онору Бора, что сейчас занимал тот самый стул, где видела в прошлый раз его сына. Я смотрела на него сквозь ресницы и ловила себя на том, что отталкивающих и пугающих черт нахожу все меньше. Темные круги под глазами придавали ему еще больше нормальности, чем раньше, заставляя шевельнуться в душе что-то похожее... на жалость? Даиг, разве такой, как он, может нуждаться в жалости слабой девчонки?

– И чего ты тут высиживаешь, предводитель, – бухтел бородач. – Сиди-не сиди, горячка пройдет, когда ей положено, никак не раньше.

– Отстань, Ундо! – беззлобно огрызнулся главный анир и потер ладонями лицо.

– Тяжко тебе? Ты ж смотри и дальше сразу веселья не жди! Медок-то ликолевый, если вызреть ему не дать, так и будет горечью отдавать, – усмехнулся старший мужчина.

– Вот поучи меня еще, с какого боку к девке-то приноровиться, – раздраженно ответил Бора и поднялся.

– И поучу, а ты послушай!

– Ты лучше Ронра здесь торчать не разрешай, пока меня нет! А с остальным я и сам разберусь! – огрызнулся предводитель и ушел.

– Хватит прятаться, крохотуля, – сказал мне Ундо, и подсунул ладонь под затылок, помогая сесть, и напоил головокружительно пахнущим отваром. – Все у вас хорошо будет с ним. Резок наш Бора, да порывист, а другим ему и быть нельзя. Но и ты горяча да сладка, вязнет он в тебе, вот и не сопротивляйся этому, пусть и вовсе потонет, обоим это только в радость и будет. И у тебя заживет, где болит, и ему метаться хватит. Покою вам обоим надо, покою.

***

Следующие три дня я быстро шла на поправку, и поэтому бесконечное лежание в постели стало тяготить меня. Ронра больше не сидел со мной, а только заглядывал раз в день, даже не проходя в комнату, топтался в дверях, не глядя прямо и сильно краснея, и быстро исчезал, тихо поинтересовавшись самочувствием, как, впрочем, и Бора. Тот приходил, выбирая моменты, когда спала, и, пробуждаясь, встречала его пристальный изучающий взгляд, будто он все пытался понять, что я за зверь такой, здоровался, мы обменивались парой фраз, и он пропадал до следующего раза.

Зато кроме всегда оптимистичного Ундо за мной стала ухаживать моя землячка – кресса Конгинда Эмюри, что, оказывается, входила в число наших сопровождающих, и чьей обязанностью было засвидетельствовать в нужный момент законность брака между мной и онором Бора. Ну как ухаживала... большей частью она сидела, нахохлившись, у окна и с перманентным осуждением и при этом почти нездоровым любопытством глядела в окно, отпуская вяло-возмущенные комментарии о том, что эти аниры – все как есть натуральные варвары без понятия о манерах и культуре, постоянно шастают обнаженными по пояс на морозе, смеются слишком громко и развязно, смотрят нагло и похотливо и так далее, и прочее и прочее. И постоянно упоминала, что просто дожидаться не может, когда я уже встану на ноги, церемония пройдет, чтобы она могла наконец вернуться в достойное ее присутствия общество. Угу, и развлекала бы своих таких же чопорно безмозглых подружек рассказами о дикарях до самой старости, ибо ничего более значимого, чем поездка сюда, в жизни провинциальной аристократки и случиться не может.

Она меня жутко раздражала и своим окраинным акцентом, и бесконечным нытьем, и критикой всех и всего, и надменностью, так присущей знати Гелиизена... хотя... чем сама-то лучше была. Или все-таки еще и есть? Просто я осмысленно старалась настроить себя на необходимость дальнейшей жизни среди аниров, а значит, на принятие их обычаев и манеры поведения или, по крайней мере, на терпимость, которая не должна быть ежедневным мучением и превратить существование в пытку, а эта фыркающая женщина нисколько мне не помогала. Но самое противное было в том, что при появлении онора Бора она тут же переставала шипеть злобной эфреей, превращалась в самую любезность, и даже пару раз я ловила ее по-настоящему масляный взгляд, буквально ошупывающий огромное тело моего будущего супруга. Странно, но это и меня заставляло всматриваться в него пристальней, и я старалась постигнуть, чем же он может таким волшебным образом привлекать эту крессу, учитывая ее презрение ко всем анирам в принципе.

Бора не был и близко похож на тех мужчин, которых я привыкла считать красивыми прежде. Вообще ничем. Все в нем было каким-то жестким, угловатым, словно он состоял из чистой первобытной мощи и острых, ничем не сглаженных граней, и это заставляло меня то и дело задаваться вопросом, в состоянии ли я буду справиться с постоянным пребыванием рядом с такой живой стихией. Однако когда я скрытно наблюдала сквозь ресницы за тем, как он на меня смотрит, возникало настойчивое желание попробовать, предвкушение чего-то большого, важного, пугающе-незнакомого, но отчего по всему телу разливалось нечто щекотное, а от живота и до самого горла внутри поселялась невесомость.

Еще одна странность была в том, что меня ни разу не почтил присутствием кресс Инослас со своими бесценными лекциями и разбором недостойного поведения.

– Он тоже болен, – сообщила в ответ на мой вопрос кресса Конгинда, брезгливо понюхав остатки питья, которым потчевал меня целитель. – Мы не видели его все эти дни, онор Бора велел ему жить со своими воинами в общей казарме. Представляю, как тяжело ему это дается. Достойный вельможа среди солдатни! Носитель Света Дооно по секрету мне сказал, что видел следы побоев на лице бедного кресса Иносласа. Говорю же, эти аниры – настоящие чудовища, так обращаться с аристократом, да еще временным опекуном самой племянницы Окнерда Пятого!

Ну, кое за что я бы и сама этому рунигу врезала от души, так что особенно его не жалела. Учил меня терпеть, значит, и сам потерпит.

На четвертый день я таки не выдержала и, невзирая на возмущение моей сиделки, оделась, накинула шубку и поплелась на улицу подышать хоть немного и размяться.

Гостиная гостевого дома была пуста, но в печи задорно трещало, а в помещении распрялись вкусные запахи. Толкнув дверь, зажмурилась – настолько ярким был солнечный день снаружи.

Кресса Конгинда что-то продолжала недовольно кудахтать за моей спиной, а я потихоньку привыкала к интенсивности света снаружи, привалившись к резной стене и медленно открывая глаза. Пресветлая, сколько же тут вокруг снега! Совсем не слой какой-то сероватой мелкозернистой крупы, из-под которой повсюду выглядывают грязные проплешины, как дома, а настоящее драгоценное толстое одеяло, подобное тем мехам, что мне презентовал будущий супруг. Солнечные лучи высекали из него миллионы искр всех цветов радуги, белизна слепила до слез, руки так и тянулись потрогать.

Резкий гортанный выкрик привлек мое внимание, и, все еще сильно щурясь, я посмотрела дальше. Нетронутое снежное покрывало там кончалось, сменяясь вытоптанной площадью, на которой сейчас, судя по всему, тренировались воины-аниры. И да, кресса Конгинда не врала – делали они это обнаженными по пояс, и это тогда, когда я куталась по самые глаза и все равно каждый вдох холодного воздуха отзывался болью в груди.

А полуголые мужчины, похоже, чувствовали себя вполне комфортно, периодически в пылу борьбы роняя друг друга прямо на стылую землю, да еще и смеясь при этом.

Онора Бора я разглядела среди остальных, как только глаза окончательно привыкли, а вот он мое появление засек, видимо, сразу. Его противником был такой огромный мужчина, что у меня просто в голове не укладывалось, как человеческое существо может вырасти до таких размеров. Но Бора управился с ним с противоестественной легкостью, лишив равновесия и заставив рухнуть как вырванное с корнями ураганом дерево, причем, не отрывая взгляда от меня. Как будто ожидал моей реакции. А после схватил огромное ведро с водой, стоявшее неподалеку, окатил себя с головы до ног и зашагал в нашу сторону.

– Кресса Греймунна, приличнее будет сейчас вернуться в свою комнату, – зудела аристократка, но я как к месту оказалась прикована ярким голубым пламенем, исходящим из глаз предводителя аниров.

Он остановился передо мной, но не поднялся по ступенькам, так что наши лица очутились напротив, и часто дышал, но воздуха почему-то стало не хватать и мне. По его коже с волос текли ручейки ледяной воды, но мурашками покрылась моя. Я твердила себе, что нужно перестать пялиться на его жесткий подбородок, широченные плечи, больше похожие на каменные валуны, на грудь, состоящую из одних твердых мышечных плит и... прости меня, Даиг, на его съежившиеся коричневатые соски, от вида которых заныли мои собственные, но все стояла не шевелясь, тогда как слишком близкое присутствие Бора становилось все отчетливее и интенсивнее с каждой секундой, словно его самого было все больше и больше, и он заслонял от меня весь остальной мир.

– Кресса Греймунна! Это совершенно непристойно для незамужней девушки! – практически взвизгнула навязчивая женщина позади меня, и предводитель аниров медленно, как нехотя перевел на нее взгляд, будто только заметил ее присутствие.

– И верно, Ликоли, достаточно непристойностей, – с нескрываемым раздражением сказал он. – Раз ты уже на ногах, то завтра же мы проведем обряд нашей свадьбы по вашим обычаям, тем более все нужные под рукой, а то дорогим гостям домой уже пора.

И развернувшись, он пошел прочь, а я в дом, повинувшись нытью крессы Конгинды, но не отказала себе глянуть украдкой на обнаженную спину будущего супруга.

Глава 8

– Нет, ну разве не возмутительно! – возобновила свои причитания кресса Конгинда, едва мы вернулись внутрь. – Где это видано, чтобы браки подобного уровня заключались в спешке, без достойной подготовки и пышности! Не в столице, а в каком-то приграничном захолустье, среди грубых воинов вместо вельмож! А где сотни гостей? Где украшения? Они хотя бы фейерверк сподобятся устроить? Пресветлая, какое же убожество наверняка нас ожидает!

– Меня все устраивает! – не выдержав, наконец огрызнулась я.

– Как будто дело тут в вас... – ляпнула аристократка сгоряча, но тут же осеклась и стала бормотать нечто неразборчивое, всячески уклоняясь от моего прямого взгляда, а я же мстительно его не отводила, заставляя ее потеть и краснеть в попытке замаять вырвавшуюся неловкую правду.

Действительно, дело-то не во мне – тут все решают интересы государств и их взаимные статусные препирательства.

– Думаю, до момента, когда нужно будет одеваться к обряду, мне ваша помощь больше не понадобится, кресса Конгинда, – сухо сказала пыхтящей от недовольства женщине в дверях моей комнаты. – Спасибо за вашу неоценимую помощь. До завтра.

Ее присутствие выносить больше не было сил, к тому же я нуждалась в уединении, чтобы пережить и момент моего непонятного оцепенения при виде Бора, и тот факт, что уже завтра состоится моя свадьба. Вряд ли мне суждено сомкнуть сегодня глаза хоть на минуту, гадая, что же ждет, когда я уже целиком и полностью официально перейду во владение к этому пугающему и загадочному мужчине.

Резкий стук заставил вздрогнуть и разогнал раздумья.

– Кресса Греймунна, могу я войти? – тоном, в котором звучало извечное недовольство, поинтересовался главный руниг.

Выглядел он и правда неважно. Под правым глазом, на скуле и на подбородке – темные отметины, и даже левая рука подвешена в повязке.

– Что с вами случилось? – любопытствовала, все же жалея его немного.

– Ничего такого, чего не входило бы в мои планы, – с холодной невозмутимостью ответил Инослас. – Если я собираюсь нормально осуществлять свои обязанности по присмотру за вами и дальше, то сблизиться с местными любым образом необходимо. А что лучше сближает воинов, чем совместные тренировки.

– Боюсь, ваши усилия напрасны, – заметила я. – Онор Бора выразился вполне четко: после завтрашней церемонии все гелиизенцы должны покинуть Аргаст.

– Вот потому-то я и здесь сейчас, кресса Греймунна, – кивнул по-деловому руниг, прошел вглубь комнаты и, встав у окна, жестом попросил меня приблизиться.

– Вы должны обязательно убедить онора Бора, что пока не готовы расстаться со всеми земляками, а в частности со мной, – продолжил он шепотом, когда я повиновалась его безмолвной просьбе.

– Зачем мне это делать? – насторожилась я.

– Понимать зачем, вам, дорогая, совсем не обязательно. Гораздо важнее просто делать то, что я говорю, не вступая со мной ни в какие препирательства.

– Меня абсолютно не устраивает, как это звучит, кресс Инослас, и чем это способно обернуться, – возразила, вкладывая во взгляд все эмоции, что испытывала. – Как бы все ни было прежде, но с завтрашнего дня я уже буду супругой онора Бора, и я поклялась ему не делать ничего, что может нанести вред, и не лгать. Преступать клятвы не входит в мои планы.

– Давно ли вы стали привержены такой честности? А кто просит вас о лжи, кресса Греймунна? – уже с откровенной насмешкой спросил мужчина. – Разве вы и в самом деле готовы

оказаться в полном одиночестве среди малопонятных вам чужаков? Как бы я ни был неприятен, но являюсь единственным человеком, готовым последовать за вами в логово зверя, так сказать, наплевав на свои интересы и тоску по родине.

Нет, вот я бы с удовольствием добавила к его синякам еще один, хотя бы за этот презрительно-покровительственный тон. Но говорил он дело. Мысль не видеть дальше рядом ни единого земляка, даже такого, как Конгинда или Инослас, реально страшила меня. Однако я не настолько наивна, чтобы верить, что главный руниг Окнерда Пятого желает задержаться в Аргасте исключительно ради поддержания моего душевного равновесия.

– Ладно, я готова попросить своего жениха оставить вас при мне, но учтите, что участвовать в чем-либо, что будет трактоваться как предательство ему, не намерена! – прошипела безапелляционно.

– А вы, дражайшая кресса Греймунна, случаем, не забыли, где ваша настоящая отчизна? Сильно головой приложились? – ухмыльнулся нагло Инослас. – Уж поверьте, если бы я нуждался в вашей помощи подобного рода, то нашел бы аргументы и рычаги заставить ее предоставить. Но я в этом не нуждаюсь. На данный момент. Всего хорошего, дорогая. Выспитесь перед обрядом.

Я с негодованием уставилась на закрывшуюся за ним дверь, ненавидя этого человека за постоянные победы надо мной. Мне нечего пока ему противопоставить, нет даже полной уверенности, что я должна и имею моральное право пытаться. Разве хоть что-то из сказанного им неправда? Такая-сякая, но я дочь Гелиизена, могу злиться на дядю и всю страну за то, что нахожусь сейчас здесь, на пороге неизвестности в будущем, обречена на это вопреки своей воле – не такой ли путь проходили сотни и тысячи людей до меня? Реальности плевать на наши желания или их отсутствие, нет дела до страстей, долгу нет смысла противопоставлять свое «хочу». Инослас хоть тысячу раз может бесить меня, но в том, что ради интересов нашего государства он сделает что угодно, не приходилось сомневаться. И, по сути, те клятвы, что я дала Бора, не отменяли моей принадлежности Гелиизену и обязательств нормального гражданина перед страной.

Но почему же мне так хотелось малодушно их игнорировать? И это не ощущалось нисколько неправильным. Я ведь могу просто промолчать в нужный момент, не открыть рта в просьбе или не проявлять настойчивости и... остаться совершенно одна? Шараак с этим, но дома отец, и как я могу быть уверена, что мое неповиновение не нанесет ему вреда или не станет вообще приговором? Как же это главный руниг не вспомнил об этом способе воздействия. Да просто он точно знает, в каком направлении пойдут мои мысли, и зачем сотрясать воздух прямыми угрозами, если додуманные куда как эффективнее.

Интересно, а папа одобрил бы то, что явно затевает Инослас? Ну конечно да, он ведь политик, этого не отнять. Хочется верить, что он бы всеми силами постарался сделать пешкой в этой игре не собственную дочь, но если уж от этого никуда не деться... Разве что подсказал бы мне, как обезопасить себя со всех сторон, хотя в подобных вещах нет и не может быть полных гарантий не пострадать.

Что будет готов сделать онор Бора, узнав, что я способствовала проникновению в их земли изворотливого шпиона? Помыслить об этом было страшно, да и все, что ждет впереди, виделось в мрачноватых тонах.

Появление Ундо, однократно стукнувшего в дверь и ввалившегося внутрь с очередной парующей кружкой, прервало мои хаотичные метания по комнате.

– Ну вот и пришел я попрощаться, крохотуля, – пробасил он, протягивая мне свою ношу. – Тебе уже получше, а у меня хлопот и в других местах хватает. А это тебе, чтобы не захворала от переживаний за ночь, поспи ты ее лучше.

– А вы разве не останетесь на торжество? – спросила, покорно принимая вкусное лекарство от лекаря. За эти дни я к нему почти привыкла, к его успокоительному, пусть и време-

нами непонятному бормотанию, к заботливым касаниям мозолистых рук, даже к этой ужасной растрепанной бороде.

– Ой, да было бы что праздновать, – отмахнулся пожилой анир, чуточку обижая меня.

– Свадьба в Аргасте не повод для радости? – насупившись, я быстро отпила несколько глотков.

– Почему же, повод. Но наши свадьбы – то соединения двоих, не требующие алтарей, свидетелей да шумных застолий. Это только между женщиной и мужчиной, и клятву они дают душам друг друга, а не богам да безразличным к этому людям. И не в один момент такое происходит, дело небыстрое так соединиться, ни суеты, ни вмешательства постороннего не терпящее. Не с богами же им век вековать и не с чужими людьми.

– Но должно же быть подтверждение, обряд. Без них разве это законный брак? – удивилась я.

– Вот и получишь ты завтра свое подтверждение, крохотуля, а когда Бора свое, это пока никому неизвестно.

Мои веки опять стали наливаться тяжестью, а мысли ворочаться все медленнее.

– Вот и славно, неча до зари тут ноги стаптывать, – удовлетворенно пробормотал Ундо, отбирая у меня тяжелую кружку. – Спи себе, да помни: что напоет сердечко женское, то и слушай, ни о чем не сожалей, да ледышкой не оборачивайся. Не будет от этого хорошо никому, ведь не такая ты.

– Кресса Греймунна, просыпайтесь уже! – разогнал мою сонливость визгливый голос Конгинды. Вроде же только подушки головой коснулась – и вот уже она. – У нас масса дел и приготовлений!

Я поморгала, глядя в окно, и поняла, что проспала, очевидно, и конец прошлого дня, и всю ночь – снаружи явно было солнечное утро.

Дверь широко распахнулась, и Ронра и еще один незнакомый анир внесли в комнату огромную бадью, в которой на дне плескалась вода, а кресса Конгинда кинулась занавешивать простыней окно, бормоча что-то о бесстыдстве местных.

Вежливо поздоровавшись, парни покинули помещение, чтобы почти сразу вернуться с ведрами горячей воды, а спустя несколько минут и с парой сундуков, судя по виду прихваченными нами из Гелиизена, совсем не похожих на те, в которых мне слал подарки будущий супруг.

– Это виданное ли дело, кресса Греймунна! Эти дикари предлагали вас вымыть перед церемонией в их общей бане, прямо там, где эта солдатня после своих тренировок купается! – начала свою обычную песню противная женщина. – Никакого уважения, понятия о приличиях! Видела я эту их баню, там же... все насквозь пропахло этими потными мужиками!

Едва сдержала непристойное хрюканье от смеха, потому что последнее у самой Конгинды прозвучало с каким-то сдавленным придыханием и сглатыванием, будто она подавилась словами или еще чем.

Я уже почти собралась спустить расстегнутое платье с плеч, когда в дверь снова постучали.

– Нельзя-нельзя! – завопила женщина, но онор Бора не собирался ее слушать.

– Я войду лишь на мгновение! – предупредил он, пренебрегая ее предупреждением, возмущая и смущая меня одновременно. Пришлось сжать ткань на груди.

– Прости, Ликоли, мне следовало прийти чуть раньше, да только сейчас смог. – Впервые я видела его запыхавшимся, покрасневшимся, словно он бежал в спешке очень долго. – Мой подарок только подоспел, уж не сердись.

Он сунул руку за свой жилет, а я вдруг вспыхнула, заметив, как капля пота катится по его шее к ключице, стремясь скрыться под рубашкой, и будто опять увидела его обнаженным по пояс, как вчера.

Бора извлек небольшой сверток из мягкой кожи и протянул его мне. Осторожно развернув, я еле сдержала пораженный вздох, а вот кресса Конгинда не смогла. В складках обычной кожи, как нечто почти не примечательное, лежало целое сокровище. Серьги, ожерелье и браслет в виде простеньких цветков с пятью лепестками, но вот вырезан каждый из них был из цельного куса бесценного нириса. И представить страшно, сколько это могло бы стоить, ведь даже крошечные кусочки этого камня, попадавшие к гелиизенским ювелирам из Аргаста, оценивались в баснословные деньги. Их принято было наделять массивными оправами и не использовать с другими камнями, ведь смысла не было – нирис затмил бы их все равно, сделал бесцветными и невидимыми на своем фоне. Темный, как беззвездная полночь, пока не познал света, он вспыхивал мириадами лучистых искр, поймав лишь единственный луч, и являл взору свой истинный глубочайший интенсивный синий цвет. Говорили, что коже любой женщины, с которой он соприкасался, этот минерал придавал чудесное сияние, превращая ее в неотразимую красавицу.

– Ох, Пресветлая, это же как десять моих поместий стоит! – отвлекла меня от завороченного любования работой мастера и игрой камней кресса Конгинда, и, покосившись на нее, я увидела, как она смотрит на подарок Бора – голодно и алчно, едва ли не трясаясь всем телом.

Предводитель же аниров, не обращая на нее внимания, поднял одну серьгу, поднес к моему уху и уставился в лицо. Нахмурился, вдруг вздохнул досадливо и вернул драгоценность на место.

– Нет, всего лишь камень, где ему повторить цвет твоих глаз, Ликоли, – раздраженно сказал он и собрался уходить.

– Спасибо, это просто великолепно, – опомнилась я, порывисто дотронувшись до его плеча.

Бора посмотрел на мою руку, ноздри его вздрогнули, и уголок рта чуть поднялся, а я, смутившись, прижала конечность обратно к своей груди.

– Ну если так, то оно того стоило, – с непонятым выражением произнес он. – Жду тебя у алтаря.

– На правах более старшей, а так же давно и счастливо состоящей в браке подруги, хочу дать вам совет, кресса Греймунна, – обманчиво заботливым голосом процедила Конгинда, пока я осторожно заворачивала обратно роскошный подарок жениха. – Подарки от мужчины следует принимать с холодным достоинством или даже легким пренебрежением, дабы не поощрять в них мысль, что он вам угодил и на этом может успокоиться. И уж тем более не следует ему практически на шею вешаться – этим вы даете ему едва ли не открытое непристойное обещание.

– Непристойное обещание? – Даиг, я уже едва выносила эту женщину. – Он через несколько часов станет моим мужем, и о каких непристойностях может тут идти речь? Уже ночью мы будем в одной постели!

Конгинда издала каркающий звук, словно мои последние слова встали ей поперек горла.

– Кто знает, каких мерзостей принято требовать даже от законной супруги у этих дикарей? – придушенно зашептала она, пронзая меня кипящим от праведного гнева взглядом, под которым и раздеться-то было неловко. – На вашем месте я бы вела себя чрезвычайно отстраненно и всячески подчеркнула, как тяготит вас необходимость потакать низменным прихотям варвара, и глядишь – ему быстро надоест и он оставит вас в покое со своими домогательствами сразу после зачатия ребенка. Сейчас же он смотрит на вас так, будто вы лучшая еда из всех, что ему случалось увидеть, и готов наброситься и сожрать, как животное. Отвратительно!

– Кресса Конгинда, а я вот безмерно рада, что каждая из нас на своем месте!

– Мне это следует понимать как то, что брак с этим... аниром наполняет вас радостью? – язвительно спросила она.

– Вам это следует понимать как то, что в ваши обязанности входит помочь мне с одеждой и прической и стать свидетельницей обряда моего супружества, и на этом все! Давать мне какие-либо, безусловно, ценные советы вас кто-то уполномочил?

Кресса поджала тонкие губы и опустила осуждающий взор.

– Нет, кресса Греймунна.

– Ну раз так, то я бы хотела продолжить подготовку в тишине. Вы не против?

– Как я могу... – начала она мямлить.

– Вот и договорились, – отрезала я.

О, Пресветлая, где бы мне еще набраться решимости разобраться и в ситуации с Иносла-сом с такой же легкостью? И возможно ли это вообще?

От помощи обиженно сопящей аристократки с мытьем волос я отказалась, и пока приводила себя в порядок, поливаясь теплой водой и натираясь мягкой мочалкой с душистым мылом, Конгинда возилась в сундуках, откуда извлекла наконец богато расшитое платье традиционного цвета первой весенней листвы.

Проследив взглядом за женщиной, расправлявшей складки ткани, я подумала, что в первый раз было как-то не до соблюдения всех традиций и в одежде, и в остальном. Не вел меня к алтарю отец тогда, не поведет и сейчас. Не говорит ли это о том, что мой второй брак окажется не намного удачнее предыдущего. Прежде меня всегда забавляло маниакальное следование всяким традициям, а временами и раздражало, но для чего-то же их придумывали, соблюдали их поколениями... Ой да ерунда! Как будто все, кто женился с дотошным соблюдением ритуалов, стали счастливыми в супружестве. Да и никакого особого счастья я не жду, не превратилось бы в кошмар – и то славно.

Мои черные и без того непослушно-волнистые волосы совсем закрутились после мытья, что вызвало очередную недовольную гримасу Конгинды, когда она взялась помогать мне их просушивать мягким полотном. Пряди гелиизенских чистокровных аристократок были обычно разных светлых оттенков и прямыми, легко укладывались в любые сложные прически, а мои упрямые – наследие рунаэсской половины крови, вечно из них вылезали и растрепывались. Но добровольная помощница взялась за них с таким рвением, которое впору было бы именовать, скорее, остервенением, что уж точно или уложит их как надо, или оставит меня лысой.

– Ну вот, хоть что-то получилось, – с самодовольством произнесла она, доставая из короба зеркало и демонстрируя мне результат.

Да уж... Что-то точно получилось. Некая конструкция из золотых нитей и безумного количества шпилек со сверкающими камнями головками, коих было едва ли не больше чем самих волос, и при каждом повороте головы она переливалась всеми цветами радуги, отчего моя не слишком сияющая после болезни смуглая кожа стала казаться вообще какой-то сероватой.

Шараак бы с ним, но вот с платьем смотрелось совершенно удручающе. Мало того, что оно пошито было, похоже, или неточно по моим прежним меркам, или просто я за время изнурительной дороги и хвори сильно похудела, но в талии и бедрах оно болталось, не говоря уже об этом цвете, что и раньше-то никогда мне не шел, а теперь еще больше подчеркивал последствия последних дней. Ах, ну и наплевать! Кому какое дело, как я выгляжу. Впервые стояла у алтаря в дорожной одежде, сейчас буду напоминать полумертвую.

Недовольная физиономия взирающей на меня Конгинды подтвердила мои выводы о внешнем виде, но, в отличие от меня, аристократка нашла это поводом для активной деятельности, а не для смирения. Умчавшись куда-то, она вскоре вернулась с целой золоченой кошелкой всевозможных белил-румян-помад и взялась за мое лицо, недовольно шикая, когда не выдержав, я чихала.

Она уже почти закончила, когда почти без стука вошел главный руниг. Лишь раз взглянув на меня, он прищурился и даже покраснел, явно приходя в ярость, чего мне видеть еще в столь откровенной форме не случалось.

– Вы что сотворили с ней, позвольте поинтересоваться, кресса Конгинда? – процедил он ледяным тоном. – Возможно, вы не поняли своим чрезвычайно крошечным мозгом, что девушку мы готовим к свадебному обряду, а не к похоронному?

– Да что вы себе позволяете! – вспыхнула аристократка. – Как вы смеете оскорблять и меня, и мои невероятные усилия!

– Да что вы, дорогуша, наоборот, я поражен вашими способностями! – огрызнулся Инослас. – Теперь я точно знаю, к кому мне нужно будет обратиться, если возникнет необходимость превратить нечто прекрасное в уродливо-безвкусное. Равных вам нет.

– Я...

– Вы уходите отсюда, кресса Конгинда, и, кстати, не забудьте прихватить все свое ба... имущество, потому как после церемонии времени на долгие сборы у вас не будет.

С бесконечно обиженным видом она прошествовала прочь, постаравшись как можно громче хлопнуть дверью, а Инослас тут же намочил в ведре с уже остывшей водой край полотна и почти накинудся на меня, начав оттирать кожу, чем буквально шокировал в первый момент.

– Я сама! – попыталась я выхватить ткань.

– Вы нарочно? Сговорились с этой безмозглой идиоткой? – зашипел руниг, уступая. – Думаете, если она вас своими помазушками сделает вдвое старше и страшнее, анир возьмет и откажется от вас у алтаря?

– Не было у меня таких мыслей, – возразила я, ощутив, что мужчина принялся выдергивать шпильки из моих волос.

– Ваши попытки бунтовать так или иначе бессмысленны, кресса Греймунна, – раздраженно бормотал Инослас, расправляясь с прической. – Вы ведь любите своего родителя? Желаете ему долгих лет здоровья и покоя?

– А я все думала, когда же вы пустите в ход этот подлый прием, кресс Инослас. – От злости я стала оттирать кожу вдвое сильнее.

– Даже не представляю, о чем вы, – презрительно фыркнул мужчина и, заглянув мне в лицо, удовлетворенно кивнул и сунул в руку гребень. – Просто расчешите. Большого вам не нужно.

И действительно, после удаления всей косметики и растирания моя кожа будто ожила и вернула краски, волосы же, улегшись свободными волнами, дополнили вполне себе приличный вид. А колдовское сияние подаренного Бора нириса совершило буквально чудо. Я глядела на себя в зеркало и думала, что будь обстоятельства другими, могла бы испытывать радость, представ перед женихом такой.

– Ну, идемте же, – поторопил меня Инослас, набрасывая на плечи мех и предлагая руку. – Ваш будущий супруг уже извелся в ожидании.

– Вы же понимаете, что, произнеся клятву, я полностью перейду под его опеку и власть, – прошептала, пока мы не слишком быстро шли по площади. – Не рассчитывайте, что стану лгать мужу – это недостойно хоть здесь, хоть в Гелиизене.

– Странно слышать что-то о лжи в пределах брачных уз от девушки, выросшей в коридорах дворца и наблюдавшей за манерами знати, – насмешливо пробормотал главный руниг. – Плохо лишь то, что выплывает наружу, о чем не знают – и не будет осуждено. Да и о той легкости, с которой эти самые узы могут быть разрушены, вы же уже осведомлены. Все зависит лишь от силы того, кто пожелает за это взяться.

– Ну здесь сила точно не на вашей стороне.

– Не на НАШЕЙ стороне, кресса Греймунна. И так обстоит прямо сейчас. Но расклад имеет свойство меняться. Скажите, вы желаете еще раз угодить не на ту сторону, что выйдет победителем? Опыт ничему не учит? Ведь второй раз вам может совсем-совсем не повезти.

Возражать больше я не стала, потому что мы уже почти подошли к большой толпе ани-ров, что топтались у дверей одной из казарм, глядя на нас пристально и нетерпеливо. Они расступились, открыв взгляду своего предводителя, порывистыми шагами метавшегося вдоль бревенчатой стены, но при нашем появлении он резко вскинул голову и замер, глядя на меня с непонятной, но будоражащей все внутри интенсивностью. Ну вот и все, время пришло.

Глава 9

– Итак, веселье начинается, кресса Греймунна, – еле слышно пробубнил под нос Инослас, и мне даже почудился отзвук чего-то напоминающего тоску в его вечно насмешливом тоне.

– Я не жду никакого веселья, – не смолчала я, а Бора на мгновение нахмурился, продолжая пристально смотреть мне в лицо, и пошел навстречу.

– Ликоли, – произнес он и шумно вдохнул, останавливаясь напротив, поднял руку, как будто собирался схватить прядь моих волос.

– Вам стоило дожидаться меня внутри, – растерявшись от будоражащей насыщенности его взора, пролепетала я. – Тебе.

– Я и так ждал долго! – ворчливо ответил предводитель аниров, отдергивая кисть. – Но если для тебя так уж важны все эти условности...

Развернувшись на пятках, он стремительно зашагал в сторону большого бревенчатого дома, скорее всего, одной из казарм. Здесь я и выйду снова замуж? На секунду попыталась зачем-то вспомнить, как выглядел тот храм Даиг, в котором я стала женой Алмера, но не смогла восстановить в памяти ни одной особенности. Ведь фасады всех домов Пресветлой созданы одинаковыми, как и внутреннее их убранство.

Инослас сжал мой локоть, понукая идти вперед, а меня неожиданно натурально затрясло, и каждый следующий шаг давался сложнее предыдущего. Как если бы я шла туда, откуда обратного пути не будет никогда.

Внутри большое помещение оказалось пустым и явно идеально вымытым совсем недавно. Стекла окон так оттерты, что даже невидимы, доски пола и стены сияли золотистым оттенком, будто дерево было новым, и даже пахло влагой, мылом, чистотой, а вовсе не мужским потом... или чем там должно разить в казарме.

Посреди пустого пространства установили переносной алтарь Пресветлой, к потолку подвесили ее парящую и осеяющую всех покровительственным жестом резную фигуру. Над столиком, что поставили рядом со священным камнем, хлопотал Носитель света Дооно, низкорослый щуплый мужчина неопределенного возраста, он разжигал церемониальные курительницы. Покрытый священными рунами кувшин, сверкающий золотыми боками, из того же металла печати с шипами для нанесения ритуальных проколов, раскрытая массивная алтарная книга с лежащим между страницами, усыпанным драгоценными камнями пером – все это уже было приготовлено и выглядело так знакомо и в тоже время абсолютно по-иному. В залах храмов не было окон, лишь светильники, запах благовоний намертво въелся в стены. Здесь же гулял свежий ветерок из распахнутой настежь двери, а прямо на алтарь и все предметы культа лег большой прямоугольник солнечного света, меняя неуловимо их цвета. Так странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.